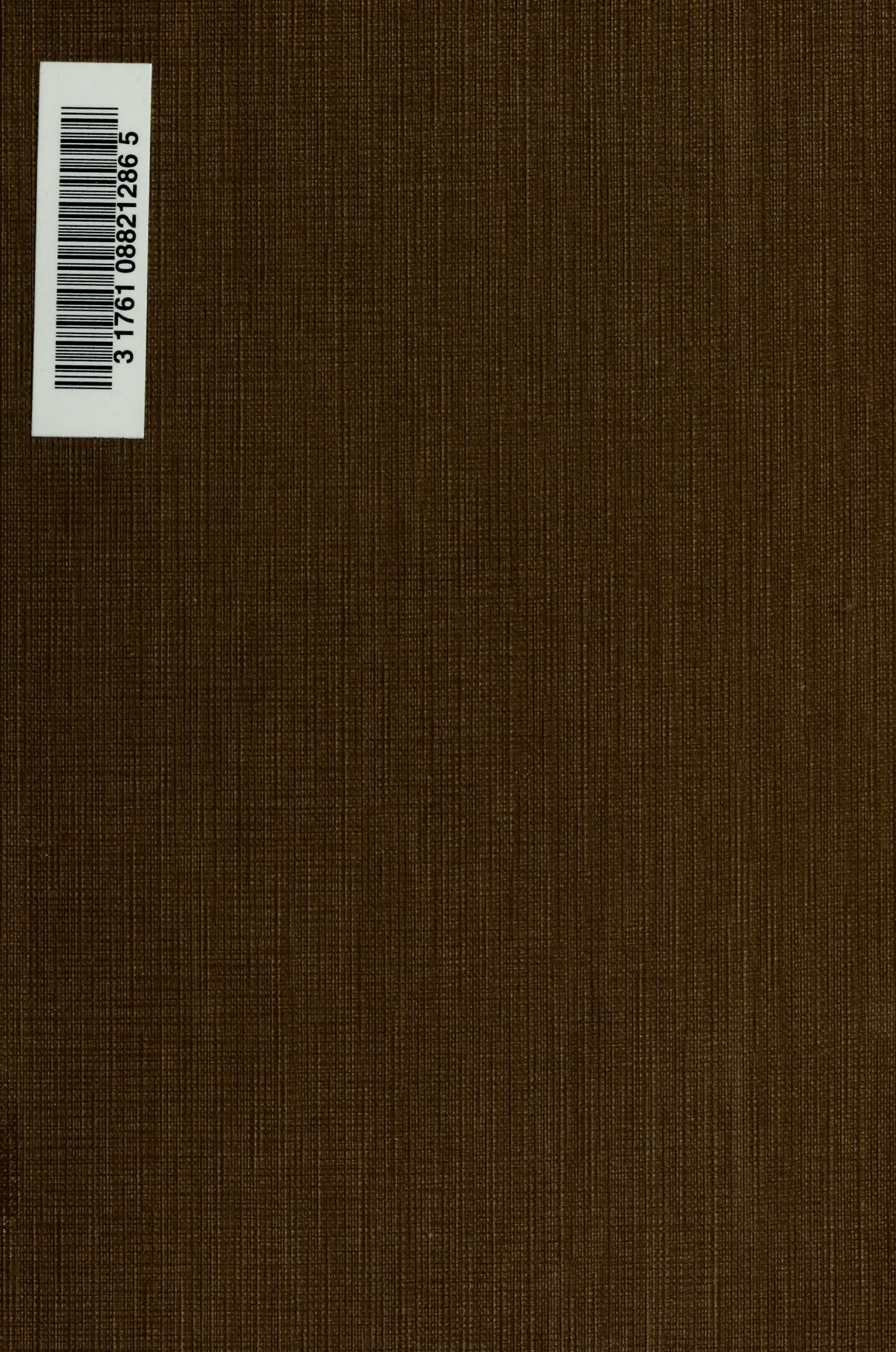

3 1761 08821286 5

М. АРЦЫБАШЕВЪ

РАЗСКАЗЫ

Подпрапорщикъ Гололобовъ

Разсказъ о великомъ знанiи

УЖАСЪ

Изданiе редакцiи журнала «ПРОБУЖДЕНIЕ».
1913.

„Т-во Художеств. Печати", Спб., Ивановская, 14.

ПОДПРАПОРЩИКЪ ГОЛОЛОБОВЪ.

И псу живому лучше,
чѣмъ мертвому льву.
Екклесіастъ. 9, 4.

I.

Молодой докторъ Владиміръ Ивановичъ Солодовниковъ вышелъ пройтись по бульвару, что дѣлалъ каждый день, если въ это время, т. е. около семи часовъ вечера, не былъ занятъ у больныхъ. На бульварѣ онъ всегда встрѣчалъ кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, и, пройдя съ ними весь бульваръ изъ конца въ конецъ, шелъ въ клубъ читать газеты и играть на билліардѣ.

Но на этотъ разъ погода была дурная: небо съ утра затянулось сплошными сѣрыми тучами; было вѣтрено и сыро, и на бульварѣ не было никого, кромѣ неподвижнаго постового городового.

Пройдя до конца бульвара, Солодовниковъ повернулъ назадъ и рѣшилъ идти прямо въ клубъ.

Навстрѣчу ему шелъ человѣкъ, и Владиміръ Ивановичъ узналъ въ немъ своего знакомаго, пѣхотнаго подпрапорщика Гололобова. Подпрапорщикъ шелъ, какъ всегда, щеголеватою быстрою походкой, бодро выступая лакированными сапогами, высоко поднявъ сильно подложенныя ватой плечи и грудь и мужественно шагая по лужамъ.

— Здравствуйте, воинъ,—сказалъ Владиміръ Ивановичъ, поравнявшись съ прапорщикомъ.

Гололобовъ вѣжливо поклонился, дотронувшись пальцами до своей маленькой фуражки.

— Вы куда же это стремитесь?—спросилъ Владиміръ Ивановичъ только для того, чтобы не молчать.

— Домой,—такъ же вѣжливо отвѣтилъ подпрапорщикъ.

— А...—сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

Подпрапорщикъ Гололобовъ стоялъ противъ него и учтиво ждалъ. Владиміръ Ивановичъ рѣшительно не зналъ, что ему сказать. Онъ зналъ подпрапорщика очень мало, встрѣчался съ нимъ рѣдко, а когда и встрѣчался, то не говорилъ ни слова, кромѣ «здравствуйте» и «прощайте». Несмотря на это, онъ почему-то считалъ подпрапорщика глупымъ и неразвитымъ, и въ другое

время, будь на бульварѣ кто-либо другой изъ его знакомыхъ, Владиміръ Ивановичъ не обратилъ бы на подпрапорщика никакого вниманія.

— Ну, путь добрый!—ласково-пренебрежительно, какъ говорятъ съ людьми несравненно ниже стоящими, когда изъ чувства собственнаго достоинства не хотятъ показать имъ свое настоящее къ нимъ отношеніе, сказалъ Владиміръ Ивановичъ и подалъ подпрапорщику руку.

Гололобовъ пожалъ протянутую ладонь, опять дотронулся до козырька своей фуражки и пошелъ дальше, все такъ же щеголевато выступая лакированными сапогами.

Владиміръ Ивановичъ пошелъ въ клубъ, сыгралъ три партіи на билліардѣ, причемъ изъ трехъ выигранныхъ бутылокъ пива выпилъ больше половины; прошелъ въ библіотеку, гдѣ съ одинаковымъ вниманіемъ и интересомъ прочелъ обѣ газеты, одну либеральную, другую консервативную; поболталъ съ двумя знакомыми дамами и тремя чиновниками, которыхъ считалъ глупыми, смѣшными и отсталыми, именно потому что они были чиновниками; потомъ закусилъ у буфета и выпилъ четыре рюмки водки. Отъ всего этого ему стало скучно и

около десяти часовъ вечера онъ пошелъ домой.

Вѣтеръ упалъ, но зато съ неба моросилъ мелкій, холодный и частый дождь. Лужи расплылись, и уже нельзя было ихъ обходить. Приподнявъ плечи и воротникъ, аккуратно подвернувъ концы брюкъ, Владиміръ Ивановичъ быстро пошелъ по бульвару и скоро повернулъ въ улицу, на которой жилъ.

Въ третьемъ домѣ отъ угла, за подъѣздомъ булочной, ярко освѣщенное окно бросало въ темноту полосу неподвижнаго свѣта, въ которой мелькали капли дождя. Владиміръ Ивановичъ машинально припомнилъ, что именно въ этомъ домѣ живетъ встрѣтившійся ему сегодня подпрапорщикъ Гололобовъ.

Поровнявшись съ окномъ, Владиміръ Ивановичъ заглянулъ въ него и увидѣлъ самого подпрапорщика, который совершенно неподвижно сидѣлъ прямо противъ окна, опустивъ голову. Владиміру Ивановичу отъ скуки и отъ того, что такъ недавно онъ видѣлся и даже говорилъ съ подпрапорщикомъ, пришла фантазія попугать его, и онъ стукнулъ въ окно концомъ своей палки.

Подпрапорщикъ Гололобовъ быстро поднялъ голову. Лампа освѣщала его прямо

въ лицо и очень ярко. Владиміръ Ивановичъ только теперь какъ слѣдуетъ разсмотрѣлъ его. Очевидно, подпрапорщикъ былъ еще очень молодъ, почти мальчикъ, ни усовъ, ни бороды у него не было. Одутловатое книзу, сплошь покрытое угрями, его лицо, съ маленькими свѣтлыми глазами, съ желтыми бровями, бѣлыми рѣсницами и коротко остриженными сѣрыми волосами, было совсѣмъ безцвѣтное и какое-то незначительное.

Гололобовъ увидалъ Владиміра Ивановича, узналъ его и всталъ. Владиміръ Ивановичъ, довольный тѣмъ, что, какъ ему показалось, испугалъ подпрапорщика, хотѣлъ кивнуть ему головой, улыбнуться и уйти, но Гололобовъ вдругъ самъ кивнулъ головой, любезно улыбнулся и быстро ушелъ вглубь комнаты, какъ будто къ двери.

«Что онъ... позвать меня къ себѣ хочетъ, что ли?..»—съ недоумѣніемъ подумалъ Владиміръ Ивановичъ и замялся на мѣстѣ, не зная, идти ли ему дальше, или подождать.

Съ подъѣзда булочной послышался стукъ отворяемой двери, и изъ ея чернаго четыреугольника голосъ Гололобова сказалъ:

— Это вы, докторъ?

Владиміръ Ивановичъ, все еще не зная, что ему дѣлать, нерѣшительно подошелъ

къ двери. Гололобовъ въ темнотѣ пожалъ ему руку и отступилъ внутрь сѣней, давая дорогу. Владимiръ Ивановичъ послѣдовалъ за нимъ.

— Прямо, прямо, докторъ,—сказалъ Гололобовъ въ темнотѣ, и слышно было, какъ онъ запиралъ выходную дверь на засовъ.

«Вотъ тебѣ и разъ! Нежданно-негаданно попалъ въ гости!» — весело подумалъ Владимiръ Ивановичъ, путаясь впотьмахъ среди какихъ-то кадушекъ и ларей.

Въ сѣняхъ крѣпко пахло печенымъ хлѣбомъ и кислыми дрожжами, и воздухъ былъ теплый, парной.

Подпрапорщикъ прошелъ впередъ и отворилъ дверь въ освѣщенную комнату. Владимiръ Ивановичъ, улыбаясь неожиданному приключенiю, перешагнулъ порогъ.

Оказалось, что подпрапорщикъ Гололобовъ занимаетъ всего одну небольшую и мало обставленную неуклюжей старой мебелью комнату.

Владимiръ Ивановичъ снялъ пальто, повѣсилъ его на вѣшалку, которую изображалъ рядъ гвоздей, аккуратно вбитыхъ въ стѣну поверхъ газетнаго листа, снялъ калоши, фуражку и поставилъ палку въ уголъ.

— Садитесь, пожалуйста,—указывая па стулъ, предложилъ ему Гололобовъ.

Владиміръ Ивановичъ сѣлъ и оглядѣлся.

Въ комнатѣ горѣла очень плохая лампа, и оттого въ ней было темно и сумрачно. Кромѣ стола, аккуратно прибранной кровати и шести стульевъ, разставленныхъ по стѣнамъ безъ всякой симметріи, Владиміру Ивановичу бросился въ глаза уголъ, увѣшанный множествомъ большихъ и маленькихъ старинныхъ темныхъ образовъ въ мѣдныхъ ризахъ, и передъ ними зеленая лампадка, съ подвѣшеннымъ къ ней пасхальнымъ раскрашеннымъ яйцомъ.

«Вишь ты, богомольный какой!» подумалъ Владиміръ Ивановичъ и почувствовалъ презрѣніе къ подпрапорщику. Ему почему-то казались некрасиво-несовмѣстимыми богомольность, лампадка и особенно сентиментальное пасхальное яйцо съ подпрапорщицкимъ званіемъ и молодостью.

На чистенькомъ, застланномъ скатертью, столѣ стоялъ потухшій самоваръ, лежали чайныя ложечки, щипчики для сахара, стояла вазочка съ вареньемъ. Кроват была покрыта свѣтлымъ одѣяломъ, а подушки бѣлою накидкою съ прошивками. Все было удивительно чисто и аккуратно, но

комната оттого казалась только еще болѣе холодною и неуютною.

— Хотите чаю?—спросилъ подпрапорщикъ.

Владиміръ Ивановичъ вовсе не хотѣлъ чаю и чуть было не отказался, но подумалъ, что тогда уже окончательно нечего будетъ дѣлать, и согласился.

— Пожалуй.

Гололобовъ старательно вымылъ и вытеръ стаканъ и блюдечко и налилъ чаю.

— Извините, пожалуйста, что чай не крѣпкій,—сказалъ онъ, подвигая къ Владиміру Ивановичу вазочку съ вареньемъ.

— Ничего,—возразилъ Владиміръ Ивановичъ, думая: «На кой чортъ онъ меня къ себѣ зазвалъ?»

Подпрапорщикъ сидѣлъ у стола, поджавъ ноги подъ стулъ, и машинально размѣшивалъ ложечкой чай въ своемъ стаканѣ. Владиміръ Ивановичъ тоже помѣшивалъ свой чай, и оба молчали.

И тутъ только Владиміръ Ивановичъ испуганно догадался, что вышло недоразумѣніе: его стукъ въ окно подпрапорщикъ Гололобовъ, очевидно, принялъ за желаніе войти, и теперь самъ недоумѣвалъ. Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ себя очень неловко и покраснѣлъ. Положеніе казалось

ему глупымъ и по его винѣ, а Владиміръ Ивановичъ, какъ всѣ здоровые и самодовольные люди, терпѣть не могъ видѣть себя въ глупомъ положеніи.

— Погода скверная,—невольно краснѣя своему началу, проговорилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да, погода теперь, дѣйствительно, очень дурная,—поспѣшно согласился Гололобовъ и замолчалъ.

«Какъ онъ странно... подробно какъ-то говоритъ!» — подумалъ Владиміръ Ивановичъ.

Неловкость его быстро прошла, потому что онъ, какъ всякій докторъ, привыкъ говорить съ различными, часто совершенно ему незнакомыми людьми. Кромѣ того, онъ, какъ и чиновниковъ, всѣхъ военныхъ считалъ глупыми и не находилъ нужнымъ стѣсняться съ ними.

— О чемъ это вы тутъ мечтали?—опять впадая въ привычный снисходительно-презрительный тонъ, заговорилъ онъ.

Владиміръ Ивановичъ былъ увѣренъ, что хозяинъ такъ же вѣжливо и черезчуръ подробно отвѣтитъ:

— Я тутъ ни о чемъ не мечталъ...

Но вмѣсто того подпрапорщикъ Гололобовъ, не подымая головы, отвѣтилъ:

— Я думалъ о смерти.

Владиміръ Ивановичъ чуть не прыснулъ со смѣху, до того несовмѣстимой съ бѣлобрысою физіономіей подпрапорщика показалась ему именно тою глупостью, которую мысль. Онъ удивился и засмѣялся.

— Во-отъ какъ! Что жъ это вамъ пришли въ голову такія мрачныя мысли?

— Каждый человѣкъ обязанъ думать о своей смерти.

—И каяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ!—пошутилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Нѣтъ. Просто думать о своей смерти,—совершенно спокойно и вѣжливо отвѣтилъ Гололобовъ.

— Почему такъ ужъ обязанъ?—кладя локоть на столъ и закладывая ногу на ногу, насмѣшливо спросилъ Владиміръ Ивановичъ, каждую минуту съ удовольствіемъ ожидая, что подпрапорщикъ «сморозитъ» какую-нибудь глупость, что казалось ему обязательнымъ для подпрапорщика.

— Потому что каждый человѣкъ долженъ умереть,—отвѣтилъ тѣмъ же тономъ Гололобовъ.

— Да... ну, это еще недостаточная причина!—возразилъ Владиміръ Ивановичъ и подумалъ: «Онъ, должно быть, не русскій,

потому что ужъ очень правильно выражается»...

И ему вдругъ почему-то стало непріятно сидѣть здѣсь, противъ безцвѣтнаго, вѣжливаго подпрапорщика, и захотѣлось уйти.

—А я думаю, что причина эта—совершенно достаточна,—сказалъ Гололобовъ.

— Не будемъ спорить!—насмѣшливо согласился Владиміръ Ивановичъ, и ему стало непріятно еще и то, что считаемый имъ за глупаго и ограниченнаго человѣка подпрапорщикъ Гололобовъ думалъ и говорилъ о такой серьезной, глубокой и страшной вещи, какъ смерть.

—Спорить не надо, а надо готовиться,—сказалъ Гололобовъ.

—Что?—высоко поднялъ брови Владиміръ Ивановичъ и разсмѣялся, потому что эта послѣдняя фраза подпрапорщика показалась ему такая глубокая и значительная онъ отъ него ожидалъ.

— Да на кой же чортъ вамъ о ней думать?—уже окончательно небрежно и готовясь встать возразилъ Владиміръ Ивановичъ.

Гололобовъ потупилъ глаза и пошевена него и, какъ бы удивляясь, сказалъ:

—Но вѣдь я уже говорилъ, что каждый человѣкъ обязанъ думать о своей смерти.

«Да онъ идіотъ, что ли?» — съ внезапнымъ раздраженіемъ подумалъ Владиміръ Ивановичъ.

— Это почему же? — спросилъ онъ почти сквозь зубы.

— Я уже и на этотъ вопросъ отвѣтилъ вамъ,—замѣтилъ подпрапорщикъ.

— Чортъ знаетъ, что вы мнѣ отвѣтили!—съ грубостью самоувѣреннаго человѣка, котораго раздражаетъ непривычное сопротивленіе, и самъ удивляясь своей грубости, возразилъ Владиміръ Ивановичъ.— Будто оттого, что я каждый день непремѣнно долженъ пить и ѣсть и спать, или оттого, что я непремѣнно состарѣюсь въ свое время и пріобрѣту морщины, лысину и прочее, такъ я и долженъ постоянно думать объ ѣдѣ, спаньѣ, лысинѣ и тому подобныхъ глупостяхъ!

—Нѣтъ,—медленно и грустно покачалъ головой подпрапорщикъ.—Вы сами сказали, что все это глупости, а о глупостяхъ думать не надо. Но смерть—не глупость.

— Да мало ли о чемъ мы и очень умномъ никогда не думаемъ... Да и что такое смерть? Придетъ смерть — помирать будемъ. Я, напримѣръ, отношусь къ этой непріятности совершенно равнодушно.

— Этого не можетъ быть,—качнулъ го-

ловой Гололобовъ.—Никто не можетъ относиться равнодушно къ такой ужасной вещи, какъ смерть.

— А вотъ я отношусь!—пожалъ плечами Владиміръ Ивановичъ.

— Это означаетъ только то, что вы еще не сознаете своего положенія.

«Ишь, ты! Скажите! Ахъ, ты болванъ гололобый!»—густо краснѣя, подумалъ Владиміръ Ивановичъ.

Хотя онъ зналъ, что каждый человѣкъ считаетъ себя если не умнѣе, то не глупѣе другихъ, но здоровая самоувѣренность его была такъ велика, что, говоря съ человѣкомъ глупѣе себя, а таковыми считалъ онъ всѣхъ, съ кѣмъ говорилъ и даже съ кѣмъ не говорилъ, онъ безсознательно воображалъ, что всякій сознаетъ его умственное превосходство надъ собою. И теперь, когда изъ словъ и тона Гололобова онъ понялъ, что тотъ не только не признаетъ его превосходства, но даже, напротивъ, убѣжденъ въ своемъ, Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ что-то близкое къ оскорбленію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ явилось жгучее и досадное желаніе во что бы то ни стало доказать, что онъ—неизмѣримо выше, а подпрапорщикъ— прямо дуракъ. Въ эту

минуту онъ безсознательно ненавидѣлъ подпрапорщика.

— Почему же я не сознаю? Это интересно,—криво усмѣхнулся онъ, силясь выразить на своемъ лицѣ крайнюю степень презрѣнія, на какую только былъ способенъ.

Но подпрапорщикъ не подымалъ головы и не видѣлъ этого выраженія.

—Почему? Я не знаю,—тихо отвѣтилъ онъ, какъ бы даже извиняясь за то, что не можетъ удовлетворить законнаго желанія собесѣдника.

— А вы сознаете?—еще болѣе краснѣя, спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да.

— Это инте-ре-сно...

— Положеніе каждаго человѣка есть положеніе приговореннаго къ смертной казни.

Владиміръ Ивановичъ вполнѣ искренно подумалъ, что подпрапорщикъ высказалъ избитую, давно извѣстную ему, Владиміру Ивановичу, мысль. И отъ этого онъ сразу успокоился и опять почувствовалъ себя неизмѣримо выше подпрапорщика, за новость считающаго то, что ему кажется азбукой.

— Стара штука!—сказалъ онъ и, вынувъ портсигаръ, хотѣлъ закурить и уйти.

— Отъ этого она не перестаетъ быть правдой. Избитыя мысли почти всегда бываютъ самыми правдивыми мыслями, — спокойно возразилъ подпрапорщикъ Гололобовъ и подвинулъ Владиміру Ивановичу спички.

— Что?—переспросилъ Владиміръ Ивановичъ, потому что не могъ сразу уяснить себѣ, умное или глупое сказалъ подпрапорщикъ.

— Я не знаю, почему я обязанъ говорить только новыя, неизбитыя вещи,—поднявъ глаза, сказалъ подпрапорщикъ Гололобовъ.—Я думаю, что я долженъ говорить только правдивыя мысли...

— Гм... да...—сказалъ Владиміръ Ивановичъ, невольно думая о томъ, можно ли въ данномъ случаѣ сказать «правдивыя» мысли.

— Конечно, это такъ,—согласился онъ, не рѣшивъ своего вопроса.—Но къ этому уже давно пора привыкнуть,—докончилъ онъ, неувѣренно чувствуя, что говоритъ не то, что надо, и сердясь за это не на себя, а на подпрапорщика.

— Я думаю, что это плохое утѣшеніе для всякаго приговореннаго къ смертной казни. И, навѣрное, онъ ни о чемъ не думаетъ, кромѣ какъ о казни.

И съ страннымъ для его неподвижнаго лица выраженіемъ интереса Гололобовъ прибавилъ:

— А вы развѣ думаете, что это не такъ?

Это выраженіе интереса польстило Владиміру Ивановичу. Онъ подумалъ, выпустилъ дымъ изо рта и, закинувъ голову, сказалъ:

— Нѣтъ, я думаю, что это такъ, конечно. Но вѣдь смертная казнь, во-первыхъ, насиліе... грубое и противоестественное, а, во-вторыхъ, стоитъ ближе къ человѣку...

— Нѣтъ, и смерть — неестественное явленіе и насиліе,—сейчасъ же, какъ будто онъ только что обдумывалъ этотъ вопросъ, возразилъ подпрапорщикъ.

— Ну, это только красивая фраза, и больше ничего!—добродушно-насмѣшливо воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ.

— Нѣтъ. Я не хочу умирать, но умру. Во мнѣ есть желаніе жить, и весь я приспособленъ къ жизни, а все-таки я умру. Это и насиліе, и противоестественно. Это было бы красивой фразой, если бы въ дѣйствительности было не такъ... Но оно такъ, а потому это уже не фраза, а фактъ.

Гололобовъ выговорилъ это серьезно и медленно.

— Но это законъ природы! — пожалъ

плечами Владимiръ Ивановичъ и почувствовалъ, что у него начинаетъ болѣть голова и что воздухъ въ комнатѣ очень тяжелъ.

— И смертная казнь есть законъ. А отъ кого исходитъ этотъ законъ—все равно... отъ природы или иной власти. И тѣмъ тяжелѣе, что со всякою иною властью бороться можно, а съ природой и бороться нельзя.

— Ну, да,—съ досадой согласился Владимiръ Ивановичъ.—Но часъ смерти намъ неизвѣстенъ!

— Это правда,—согласился Гололюбовъ.—Но зато осужденный на казнь до самой послѣдней минуты, вѣроятно, надѣется на прощенiе, на случай, на чудо. Но никто не надѣется жить вѣчно.

— Но зато всѣ надѣются жить долго.

— На это нельзя надѣяться. И не долго, потому что жизнь человѣка очень маленькая, а любовь къ жизни у человѣка очень велика.

— У всякаго ли?—съ усмѣшкой спросилъ Владимiръ Ивановичъ, и ему самому было странно, что онъ усмѣхается, когда нѣтъ ничего смѣшного.

— У всякаго. У однихъ сознательно, у другихъ безсознательно. Жизнь человѣка—это онъ самъ, а себя самого всякiй человѣкъ любитъ больше всего и всегда.

— Ну, такъ что же изъ этого?..

— Я не понимаю васъ,—сказалъ Гололобовъ.—О чемъ вы меня спрашиваете?

Владиміръ Ивановичъ вдругъ почувствовалъ, что отъ этого неожиданнаго вопроса подпрапорщика онъ забылъ, что хотѣлъ сказать. Нѣсколько времени онъ тупо и покраснѣвъ смотрѣлъ на подпрапорщика и мучительно старался поймать ускользнувшую мысль; но вмѣсто того онъ подумалъ, что Гололобовъ, должно быть, считаетъ его дуракомъ и издѣвается надъ нимъ. Эта мысль была для него положительно ужасна. Онъ сначала поблѣднѣлъ, а потомъ побагровѣлъ, такъ что даже его толстая и чистая шея налилась кровью. А потомъ мысль эта нашла исходъ въ грубомъ и зломъ взрывѣ: ему неудержимо захотѣлось крикнуть подпрапорщику что-нибудь грубое, отчаянно оскорбительное... нагнуться къ самому его тусклому, прыщеватому лицу и крикнуть.

— Ну, да, къ чему вы всю эту чушь нагородили?—визгливо почти крикнулъ онъ, мучительно сдерживаясь, чтобы не сказать еще большей грубости.

Гололобовъ быстро всталъ, вытянувшись во фронтъ, но прежде чѣмъ Владиміръ Ивановичъ успѣлъ что-либо подумать,

опять сѣлъ и сказалъ довольно тихо, но отчетливо:

— Къ тому, что таковы мои чувства и убѣжденія, и я намѣренъ лишить себя жизни.

Владиміръ Ивановичъ широко раскрылъ глаза, пошевелилъ губами и уставился на подпрапорщика. Подпрапорщикъ сидѣлъ передъ нимъ по-прежнему неподвижно и въ прежней позѣ, помѣшивая ложечкой въ стаканѣ. Владиміръ Ивановичъ смотрѣлъ на него, и чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ въ головѣ его что-то становилось все яснѣе и яснѣе. Какая-то мысль вертѣлась у него въ мозгу. Онъ сдѣлалъ усиліе, и вдругъ все стало ясно. И, не довѣряя себѣ и почти еще считая свою мысль невѣроятною, Владиміръ Ивановичъ спросилъ:

— А скажите, Гололобовъ, вы, часомъ, не сумасшедшій?

Гололобовъ поднялъ голову, посмотрѣлъ лилъ своими узкими вздернутыми плечами.

— Я самъ такъ думалъ сначала.

— А теперь?

— А теперь думаю, что я вовсе не сумасшедшій и что въ томъ намѣреніи лишить себя жизни, которое я имѣю, нѣтъ ничего абсурднаго.

— По-вашему, самоубійство безъ всякаго повода...

— У меня есть поводъ,—перебилъ его Гололобовъ.

— Какой?—съ любопытствомъ спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Я уже сказалъ вамъ,—удивленно отвѣтилъ подпрапорщикъ.

Онъ помолчалъ, а потомъ заговорилъ вѣжливо, но, видимо, съ усиліемъ:

—Я сказалъ, что жизнь человѣка нахожу жизнью приговореннаго къ смертной казни. И не желая и не будучи даже въ силахъ дожидаться... я хочу самъ...

— Никакого смысла,—сбивчиво возразилъ Владиміръ Ивановичъ,—совершить насиліе... ради... избавленія отъ насилія...

— Не ради избавленія, — избавиться нельзя, а ради прекращенія жизни приговореннаго къ смерти... Лучше ужъ скорѣе.

Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ, какъ что-то холодное и непріятное пробѣжало у него по спинѣ и отозвалось въ колѣняхъ.

— Не все ли равно!—сказалъ онъ.

Гололобовъ молчалъ.

— Послушайте,—заговорилъ Владиміръ Ивановичъ (ему казалось, что очень нетрудно разубѣдить подпрапорщика въ

справедливости его странныхъ убѣжденій), — развѣ вы не понимаете, что это будетъ насиліемъ надъ самимъ собою...

— Нѣтъ, это будетъ насиліемъ моего духа надъ природой... это прежде всего... а потомъ — да...

— Но развѣ вашъ духъ — не то же созданіе природы, что и ваше тѣло, и...

Вдругъ Гололобовъ улыбнулся. Въ первый разъ Владиміръ Ивановичъ видѣлъ его улыбающимся, и улыбка эта его поразила: большой ротъ подпрапорщика растянулся чуть не до ушей, глазки сузились, и все лицо его расплылось въ безсмысленную гримасу добродушнаго пьянаго.

— Я это очень хорошо знаю, — отвѣтилъ онъ: — и то и другое — созданіе природы, но не одинаково важныя для меня. Духъ мой есть именно я, а тѣло — только случайное помѣщеніе, не больше.

— Но если кто ударитъ по вашему тѣлу, вамъ будетъ больно?

— Да.

— Значитъ...

— Если бы тѣло мое было именно я, то я бы остался жить, — перебилъ его Гололобовъ. — Смерть не была бы тогда приговоромъ къ казни: вѣдь и послѣ смерти моей тѣло останется. Тѣло есть вѣчно.

Владиміръ Ивановичъ не могъ не улыбнуться.

— Самый оригинальный парадоксъ, который я когда-либо слышалъ.

— Нѣтъ, въ немъ нѣтъ ничего ни оригинальнаго, ни парадоксальнаго. Это — фактъ: тѣло есть вѣчно. Я умру, тѣло распадется на атомы, атомы сложатся въ какую-нибудь иную форму, но сами не измѣнятся, и ни одинъ не исчезнетъ. Сколько было въ мірѣ атомовъ, когда было мое тѣло, столько ихъ будетъ и тогда, когда я умру. Можно даже допустить, что комбинація когда-нибудь повторится, и будетъ та же форма. Это пустяки... Духъ умретъ.

Владиміръ Ивановичъ развелъ руками. Онъ уже не считалъ подпрапорщика сумасшедшимъ и вообще не могъ отдать себѣ отчета, имѣетъ ли даже смыслъ то, что онъ, подпрапорщикъ, говоритъ, но въ душѣ у него было тяжело, и какой-то грозный внутренній, еще непонятный смыслъ всего того, что съ нимъ случилось, шевелился во всемъ: и въ словахъ подпрапорщика, и въ тяжеломъ свѣтѣ лампы, и въ немъ самомъ, и въ безтолковой пустой комнатѣ.

— А можетъ и нѣтъ,—все-таки возразилъ онъ,—развѣ вы знаете, что загробной жизни нѣтъ?

— Я этого не могу знать,—отвѣтилъ Гололобовъ и качнулъ головой.—Но это все равно.

— Какъ все равно?

— Все равно: если нѣтъ, то духъ мой исчезнетъ, а если есть какая бы то ни было, то все-таки *мой* духъ исчезнетъ,—ударяя на словѣ «мой», подтвердилъ подпрапорщикъ.—Я исчезну. Будетъ ли потомъ духъ мой святымъ въ раю, или грѣшникомъ въ аду, или переселится въ другое существо,—я, именно я, мои пороки, привычки, смѣшныя и прекрасныя особенности, мои сомнѣнія, мой умъ, моя глупость, мой опытъ и мое незнаніе, все то, что было именно подпрапорщикомъ пѣхотнаго полка, человѣкомъ Гололобовымъ, все исчезнетъ. Будетъ что угодно, но не Гололобовъ.

Владиміръ Ивановичъ чувствовалъ себя и физически скверно: ноги дрожали, и голова болѣла, и ему было грустно, досадно, тяжело, страшно и пусто.

«Ну его къ чорту!»—подумалъ онъ.—«Это сумасшедшій, съ нимъ и самъ съ ума спятишь!»

— Прощайте!—отрывисто сказалъ онъ и всталъ, точно его толкнулъ кто.

Гололобовъ тоже всталъ и по-прежнему вѣжливо отвѣтилъ:

— Прощайте.

Владимiръ Ивановичъ надѣлъ пальто, шляпу, калоши, взялъ палку и, не глядя на подпрапорщика, подалъ ему руку.

Они вышли вмѣстѣ въ темныя сѣни, гдѣ все такъ же, еще сильнѣе даже, пахло теплымъ хлѣбомъ и дрожжами, и Гололобовъ отворилъ дверь на улицу.

— Прощайте,—еще разъ сказалъ Владимiръ Ивановичъ.

Подпрапорщикъ изъ темныхъ сѣней отвѣтилъ:

— Прощайте.

Владимiръ Ивановичъ, осторожно ощупывая палкой, грузно спустился съ крыльца.

— Смотрите, не вздумайте и вправду того... отъ скуки!—весело, какъ ему казалось, но на самомъ дѣлѣ вовсе не весело, сказалъ Владимiръ Ивановичъ.

— Я сказалъ, что таковы мои убѣжденiя...

— Глупости! Прощайте!—почти со злобой закричалъ Владимiръ Ивановичъ и чуть не бѣгомъ пустился отъ крыльца.

II.

Владимiръ Ивановичъ слышалъ, какъ стукнула дверь, и поспѣшно зашагалъ по

улицѣ. Дождь усилился и вѣтеръ тоже. Но Владиміру Ивановичу это было пріятно, и онъ даже сдвинулъ фуражку на затылокъ. Лобъ у него былъ тяжелый и потный.

Разъ онъ оглянулся и уже далеко позади увидѣлъ красноватую точку освѣщеннаго окна, неподвижно стоявшую въ темной мглѣ ночного дождя.

— Чортъ знаетъ что такое!—недоумѣло повторялъ самъ себѣ Владиміръ Ивановичъ, звучно шлепая по лужамъ и чувствуя, что правый ботинокъ весь въ водѣ.

Владиміръ Ивановичъ самъ не могъ понять, серьезно ли было то, что было, или это была глупость—неизвѣстно даже, съ чьей стороны. Но все-таки ему почему-то уже не казалось, что если—глупость, то со стороны подпрапорщика. Весь разговоръ представлялся ему тяжелымъ бредомъ, и даже не бредомъ, а просто чѣмъ-то вродѣ ядовитаго, тяжелаго запаха.

Владиміръ Ивановичъ шелъ, глядя себѣ подъ ноги и стараясь успокоиться и прогнать какое-то скверное, сосущее чувство, засѣвшее гдѣ-то въ самой глубинѣ его души.

— Чего я, собственно, такъ огорчился?—съ ироніей спрашивалъ онъ самъ себя, но отъ этого вопроса тяжелое чувство

не утихло, а даже усилилось до болѣзненной тоски.

— «А что, какъ онъ и вправду застрѣлится!» — вдругъ пришло ему въ голову.

И въ первый разъ съ осязательною ясностью Владимiръ Ивановичъ понялъ, что все это были не теоретическiя безвредныя разсужденiя, а нѣчто неразумно-ужасное, мрачное и давящее живую душу,—душу человѣка, который сейчасъ еще живъ, а черезъ минуту, быть можетъ, исчезнетъ. Впечатлѣнiе было такъ сильно, что Владимiръ Ивановичъ даже остановился, какъ вкопанный. Дождь шумѣлъ непрестанно и медленно. Владимiръ Ивановичъ разомъ повернулся всѣмъ тѣломъ и побѣжалъ назадъ, не обращая вниманiя на лужи, скользя и сбиваясь въ жидкую грязь. Запыхавшись, весь въ поту, съ фуражкой, сдвинувшейся на затылокъ, онъ добѣжалъ до квартиры Гололобова и остановился, какъ давеча, передъ освѣщеннымъ окномъ. Сначала ему показалось, что онъ видитъ лицо подпрапорщика, но то былъ освѣщенный бокъ самовара. Лампа по-прежнему горѣла на томъ же мѣстѣ, и виденъ былъ стаканъ съ недопитымъ чаемъ и блестящей ложечкой. Но самого подпрапорщика не было. Владимiръ Ивановичъ въ нерѣшительности мед-

лилъ передъ окномъ. Ему чудилось, что тамъ, въ комнатѣ, стоитъ страшная тишина и неподвижность, а посреди комнаты лежитъ убитый подпрапорщикъ. Владиміръ Ивановичъ удивительно быстро представилъ себѣ его фигуру, раскинувшуюся на полу, съ блѣднымъ лицомъ, неподвижными глазами, струйкой крови на вискѣ и на полу, съ револьверомъ, зажатымъ въ омертвѣвшихъ пальцахъ. Владиміру Ивановичу показалось даже, что надъ столомъ, заволакивая лампу, плыветъ и колышется дымъ; но въ это время на пристально напряженные глаза его набѣжали слезы, а, когда онъ сморгнулъ ихъ, дыма уже не было. Владиміръ Ивановичъ простоялъ такъ минутъ пять, не сводя глазъ съ окна и чувствуя, чтонадо, и какъ можно скорѣе, сдѣлать что-то важное, неизмѣримо важное, и это его мучило. Но что, онъ не зналъ.

— «Это, наконецъ, сумасшествіе!»—пожалъ плечами, растерянно улыбаясь, Владиміръ Ивановичъ, и ему стало ужасно стыдно, чтобы кто-нибудь, а главное—самъ Гололобовъ, не увидѣлъ его передъ окномъ.

— «Подпрапорщикъ спитъ навѣрное, а я торчу тутъ, какъ дуракъ!—со злобой подумалъ онъ.—Да и чего я испугался? Всѣ мальчишки собираются застрѣлиться и

всѣ, слава Богу, живы остаются! Чортъ бы его побралъ!»

Владимiръ Ивановичъ рѣшительно повернулся, возмущенно поднялъ воротъ пальто, надвинулъ фуражку и пошелъ обратно; не оборачиваясь, онъ свернулъ въ переулокъ и вошелъ въ свой дворъ. Въ большомъ домѣ у хозяевъ слабо свѣтился огонекъ синей лампадки, а въ окнахъ его флигеля было темно. И эти темныя окна показались ему какими-то жуткими. И только сейчасъ, въ первый разъ, онъ обратилъ вниманiе на свой флигелекъ: это былъ старый, облупившiйся домъ, весь задвинутый въ темную неподвижную массу деревьевъ сада. Среди этихъ огромныхъ молчаливыхъ деревьевъ домъ казался маленькимъ, таинственнымъ, и Владимiру Ивановичу вдругъ стало страшно, что онъ живетъ и сегодня будетъ спать ночью въ такомъ домѣ.

— Ну, это ужъ совсѣмъ глупо! — съ полнымъ негодованiемъ, чуть не вслухъ, сказалъ себѣ Владимiръ Ивановичъ.—До чего можетъ довести себя человѣкъ!

Онъ рѣшительнымъ шагомъ взошелъ на крыльцо, заскрипѣвшее подъ ногами, и постучалъ въ дверь одинъ разъ и другой. За дверью царствовало молчанье, и тиши-

на нарушалась только медленнымъ непрестаннымъ шорохомъ дождя и журчаніемъ воды, лившейся гдѣ-то съ крыши въ бочку. Владиміръ Ивановичъ постучалъ еще и еще изо всей силы и почти обрадовался, услышавъ за дверью шаги своего Пашки и его сонный голосъ:

— Кто тамъ?

— Я,—отвѣчалъ онъ громко, и какъ будто отъ звука его голоса все пробудилось и исчезъ оттѣнокъ таинственности, дѣлавшій все такимъ страшнымъ. Шопотъ дождя сталъ обыкновеннымъ шумомъ; вода бойко и даже весело зажурчала въ бочкѣ; въ окнахъ мелькнулъ свѣтъ и разсѣялъ тяжелую тьму, а садъ точно отступилъ назадъ, и Владиміръ Ивановичъ ясно увидѣлъ обыкновенныя добродушныя деревья, покачивающіяся отъ вѣтра.

Владиміръ Ивановичъ пошутилъ о чемъ-то съ Пашкой, приказалъ завтра разбудить себя пораньше, весело раздѣлся и легъ на кровать.

Пашка, зѣвая во весь ротъ, забралъ его сапоги и ушелъ.

Но когда Пашка ушелъ, и Владиміръ Ивановичъ остался одинъ, онъ тотчасъ же почувствовалъ, что то гнетущее, тоскливое чувство, которое возбудилъ въ немъ разго-

воръ съ Гололобовымъ, не прошло, что оно тутъ, въ немъ, и сейчасъ выйдетъ наружу, и опять будетъ страшно и грустно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Владиміръ Ивановичъ чувствовалъ, что онъ не можетъ ничѣмъ помѣшать этому, и заметался въ тоскѣ. Онъ подкрутилъ повыше огонь лампы, хотѣлъ читать—не могъ, бросилъ книгу, потушилъ лампу и закурилъ папиросу. Красный огонекъ папиросы тихо тлѣлъ въ его рукахъ и, по временамъ вспыхивая, освѣщалъ часть стѣны, узоръ обоевъ, пальцы и одѣяло и усы Владиміра Ивановича.

«А все-таки этотъ подпрапорщикъ удивительно странный человѣкъ», — думалъ Владиміръ Ивановичъ,и ему было немного непріятно, что нашелся въ одномъ съ нимъ городѣ, такъ близко отъ него, человѣкъ чѣмъ бы то ни было удивительный, и этотъ человѣкъ не онъ, Владиміръ Ивановичъ Солодовниковъ.

— «И какъ это я его раньше не замѣчалъ? Чего онъ дурачкомъ прикидывался?» —подумалъ Владиміръ Ивановичъ и сейчасъ же поймалъ себя на дурномъ чувствѣ. —«И неправда, вовсе онъ не прикидывался, а просто я не могъ его замѣтить... Почему? Неужели же я такъ... глупъ или... что не могъ его понять? Этого не можетъ быть!»—

усмѣхнулся Владиміръ Ивановичъ, самъ не зная, почему именно не можетъ быть.

— «Слишкомъ я, просто, былъ занятъ самимъ собой»,—поежился Владиміръ Ивановичъ.—«А отчего? Оттого, что пріучили къ этому окружающіе идіоты: никакъ не ожидалъ, что между ними можетъ найтись... А можетъ и не потому? Почему же я такъ былъ занятъ собой? Вотъ хоть тому же подпрапорщику пришли въ голову такія мысли... конечно, незрѣлыя»,—съ удовольствіемъ подумалъ Владиміръ Ивановичъ,—«но важныя, а мнѣ не приходили? Чѣмъ же я былъ такъ занятъ въ себѣ? Не наружностью же... И почему же тогда я воображалъ, что я выше всѣхъ? Всякій человѣкъ, положимъ, это воображаетъ. И я, значитъ, такой же человѣкъ, какъ и всѣ? Ну, конечно же! Глупости какія лѣзутъ въ голову»...

Папироса уже догорала. Владиміръ Ивановичъ пыхнулъ въ послѣдній разъ и отшвырнулъ окурокъ на середину комнаты. Красная точка, описавъ въ темнотѣ полукругъ, упала, разсыпалась искорками и покатилась, а потомъ осталась лежать неподвижно въ темнотѣ. Изъ оранжевой она сдѣлалась красною, потомъ незамѣтно стала дѣлаться все меньше и меньше. Влади-

міръ Ивановичъ лежалъ неподвижно и смотрѣлъ на огонекъ.

— «И почему это я никогда не думалъ о томъ? То есть, я думалъ, но какъ-то незамѣтно. А вѣдь это, и вправду, ужасно: вотъ живемъ мы всѣ, живемъ, а потомъ умремъ. Такъ зачѣмъ же тогда, не говорю ужъ наши заботы, огорченія и радости, а даже наши идеалы... Вотъ Базаровъ говорилъ, что лопухъ выростетъ, а въ сущности и еще того хуже: и этого неизвѣстно. Можетъ, и лопухъ не выростетъ, а просто ничего не будетъ. Завтра помрутъ всѣ, кто меня зналъ, бумаги мои, сданныя въ архивъ, съѣдятъ крысы или ихъ сожгутъ, и все будетъ кончено. Никто и не вспомнитъ обо мнѣ. Сколько милліоновъ людей существовало до меня, а гдѣ они? Я вотъ хожу по пыли, а эта пыль вся пропитана остатками тѣхъ людей, которые такъ же были самоувѣренны, какъ и я, думали, что это очень важно, что они живутъ!»

Огонекъ папиросы вдругъ исчезъ. Владиміръ Ивановичъ моргнулъ глазами, но огонекъ исчезъ окончательно.

— «Вотъ огонекъ... горѣлъ и нѣтъ его! Пепелъ остался: можетъ быть, можно опять зажечь, но это ужъ будетъ не то... Того

огня, что горѣлъ, того ужъ не будетъ!.. Меня не будетъ».

И, чувствуя какой-то непріятный ознобъ въ ногахъ и спинѣ, Владиміръ Ивановичъ подумалъ:

— «Доктора Солодовникова... нѣтъ, не такъ... доктора Владиміра Ивановича Солодовникова уже никогда не будетъ»...

Онъ повторилъ эти слова нѣсколько разъ съ ужасомъ и упорствомъ отчаянія. Сердце билось неровно и быстро, въ груди было невыносимо тяжело, и на лбу явственно выступилъ потъ.

— «Меня ужъ не будетъ! Неужели же?.. Ну, конечно! Все будетъ: и деревья, и люди, и чувства, — много пріятныхъ чувствъ, любовь и все такое,—а меня не будетъ. Я даже смотрѣть на это не буду. Не буду даже знать, есть ли это все или нѣтъ! То есть, даже не то, что «не буду знать», а просто меня совершенно не будетъ! Просто? Нѣтъ, это не просто, а ужасно, жестоко и безсмысленно! Зачѣмъ же я тогда жилъ, старался, считалъ это хорошимъ, а то дурнымъ, думалъ, что я умнѣе другихъ?.. Все равно меня не будетъ».

Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ, будто глаза у него стали мокрые; и ему было стыдно этого, и онъ обрадовался это-

му, думая, что слезы облегчатъ то невыносимо холодное и тяжелое чувство, которое давило его. Но глаза были сухи и широко пялились въ темноту. Владиміръ Ивановичъ тяжело и съ усиліемъ вздохнулъ и весь обомлѣлъ отъ тоски и страха.

«И меня черви съѣдятъ... Долго будутъ ѣсть, а я буду лежать неподвижно. Они будутъ ѣсть, копошиться... бѣлые, склизкіе... Пусть лучше меня сожгутъ... Нѣтъ, это тоже ужасно! Зачѣмъ же я жилъ?»

Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ, что онъ все больше и больше судорожно дрожитъ. Вѣтеръ гудѣлъ за окномъ, а въ комнатѣ было тихо и неподвижно.

«И вѣдь я умру скоро... Можетъ быть, я завтра умру... сейчасъ! Вѣдь это такъ просто: заболитъ самымъ невиннымъ образомъ голова, а потомъ все хуже, хуже... и смерть... Я вѣдь самъ знаю, что это просто, знаю, какъ и почему это, а между тѣмъ остановить и предупредить не могу! Умру. Можетъ, завтра, можетъ, сейчасъ... Можетъ, я и вправду уже простудился, когда стоялъ подъ окномъ, и уже умираю... Мнѣ еще кажется, что я здоровъ, а во мнѣ уже начался окончательный процессъ».

Владиміръ Ивановичъ хотѣлъ пощупать себѣ пульсъ, но сейчасъ же бросилъ и съ

отчаяніемъ уставился въ потолокъ, котораго не было видно. И вверху надъ нимъ, и съ боковъ, вездѣ была холодная сѣро-черная тьма, среди которой было еще страшнѣе и печальнѣе то, что онъ думалъ.

— «Все равно, я не могу остановить! Да если бы и остановилъ сейчасъ, все равно рано или поздно умру: вѣдь не буду же я безсмертенъ. И какъ это я, да и всѣ мы, думаемъ, что медицина великая наука? Сегодня поможетъ, завтра поможетъ, а, въ концѣ концовъ, все равно всѣ умрутъ: и здоровый, и больной... и .... какъ это ужасно. Я вѣдь не боюсь смерти, но зачѣмъ же непремѣнно смерть? Какой смыслъ, кому нужно? Нѣтъ, я боюсь, боюсь»...

Владиміръ Ивановичъ вдругъ притихъ: онъ вспомнилъ о воскресеніи мертвыхъ и загробной жизни. Точно что-то мягкое, тихое и ласкающее опустилось на его измученный мозгъ, и ему стало хорошо и спокойно.

Но сейчасъ же все вспыхнуло со злостью, ненавистью и отчаяніемъ.

— «О глупости! Вѣдь никто, никто не вѣритъ этому, и я не вѣрю и нельзя вѣрить! Какой смыслъ въ этомъ? Кому, на кой чортъ нужны безтѣлесныя души, лишенныя формы и чувствъ, и индивидуальности, пла-

вающія въ эфирѣ? Да и все равно, потому что страхъ все-таки остается: все-таки мы ничего не знаемъ, кромѣ факта смерти... А подпрапорщикъ правъ, что, чѣмъ ждать въ этомъ вѣчномъ ужасѣ, лучше самому... Тутъ есть что-то облегчающее, въ томъ, что—самъ. Вотъ, возьмешь и сдѣлаешь... И даже какъ будто займетъ то, что дѣлаешь, и не замѣтишь самаго ужаснаго момента умиранія... А естественнымъ путемъ—до самаго послѣдняго момента будешь надѣяться и глупо надѣяться, потому что все равно, если и не умрешь въ этотъ разъ, то умрешь въ другой, а непремѣнно умрешь и... надѣяться не надо! И до послѣдняго мгновенія бояться... даже не бояться, а умирать отъ страха...»

Владиміръ Ивановичъ зажалъ уши ладонями, точно кто-то оглушительно и монотонно кричалъ ему въ ухо безконечное число разъ одно и то же слово:

— «Смерть, смерть, смерть, смерть, смерть».

— А-а!—вдругъ завизжалъ Владиміръ Ивановичъ и разомъ вскочилъ на кровати.

Все было темно и неподвижно. Чуть-чуть только свѣтилось окно въ садъ смутнымъ сѣрымъ пятномъ. А за окномъ мотались черныя вѣтви.

— «Ну его къ чорту! О, будь ты проклятъ! Не хочу, не хочу!»—дико думалъ Владиміръ Ивановичъ, охвативъ изо всѣхъ силъ руками колѣни и задерживая дыханіе. И гдѣ-то, еще глубже этой первой мысли, не переставая, шевелилась другая, неуловимая, но ужасная своею ясностью и неопровержимостью:—«Все равно, кричи, не кричи, а такъ будетъ... умру... умру!»

Владиміръ Ивановичъ скрипнулъ зубами, схватилъ себя обѣими руками за волосы, упалъ лицомъ въ подушку и застылъ. Въ ушахъ у него невыносимо шумѣло, и сквозь этотъ шумъ прорывался тихій, протяжный, невыносимо печальный звонъ.

Владиміръ Ивановичъ выпустилъ волосы, повернулся лицомъ кверху и широко раскрылъ глаза. Отчаяніе исчезло, вмѣсто него была пустота. И эта пустота была хуже, невыносимѣе отчаянія; это была пустота мертвеца.

«Лучше самому», — подумалъ гдѣ-то далеко въ глубинѣ мозга Владиміръ Ивановичъ и почувствовалъ, что лицо у него совершенно неподвижное и холодное, и холодныя руки и ноги.

«Лучше самому»,—повторилъ онъ мысленно и тихо, точно крадучись, сталъ вста-

вать съ кровати, потихоньку высовывая ноги изъ-подъ одѣяла на холодный полъ.

«И какой идіотъ думаетъ о томъ, какъ лучше и честнѣе и умнѣе жить, когда надо думать о томъ, какъ ужасно умереть?»—со злобой думалъ онъ, вставая, и, точно въ бреду, вглядываясь въ яркое красное пламя, стоящее передъ нимъ, и чье-то ужасное блѣдное лицо.

Но это было лицо Пашки, который со свѣчей въ рукѣ стоялъ передъ нимъ.

— Владиміръ Ивановичъ, за вами пришли!—говорилъ онъ.

Владиміръ Ивановичъ тупо на него смотрѣлъ и удивлялся, чего нужно Пашкѣ среди ночи и отчего у него такое блѣдное лицо. За спиной Пашки торчала и еще одна знакомая, совершенно вытянутая физіономія.

— А, что? Чего вамъ?—недоумѣло спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Вы извините, докторъ, пожалуйста,—заговорила другая фигура и, выступивъ впередъ, оказалась большимъ, длиннымъ приставомъ, на которомъ уныло болтались усы и шашка.—Пришлось васъ побезпокоить: тамъ такое происшествіе, а Леонида Григорьевича нѣтъ въ городѣ.

Владиміръ Ивановичъ опустился на кровать, натянулъ одѣяло на голыя ноги и

смотрѣлъ на болтающіеся усы, вспоминая съ усиліемъ, что Леонидъ Григорьевичъ его коллега, городской врачъ.

— Тамъ, знаете, вольноопредѣляющійся одинъ застрѣлился, — продолжалъ приставъ, точно извиняясь за безтактность самоубійцы, выбравшаго такое неудобное время.

— Подпрапорщикъ,—машинально поправилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Ну, да, то-есть, подпрапорщикъ. Вы, можетъ быть, изволите знать: Гололобовъ... Дознаніе необхо...

Будто что-то ударило по лбу Владиміра Ивановича.

— Гололобовъ?—съ дикимъ любопытствомъ закричалъ онъ.—Такъ-таки застрѣлился?

Приставъ оторопѣло болтнулъ усами.

— Развѣ вы знаете?

— Ну, конечно... онъ мнѣ самъ сказалъ,— торопливо захлебываясь и не попадая ногой въ сапогъ, бормоталъ Владиміръ Ивановичъ.

— Какъ? Когда?—вдругъ совсѣмъ другимъ голосомъ заговорилъ приставъ.

— Говорилъ, говорилъ... а впрочемъ, я вамъ послѣ скажу!—сбивчиво бормоталъ Владиміръ Ивановичъ, дрожащими руками натягивая пиджакъ.

III.

За воротами ждалъ извозчикъ, хотя до квартиры подпрапорщика можно было и пѣшкомъ дойти въ пять минутъ. Владиміръ Ивановичъ не замѣтилъ, какъ и когда онъ сѣлъ на дрожки и какъ и когда слѣзъ съ нихъ передъ квартирой подпрапорщика Гололобова. Онъ замѣтилъ только, что дождя нѣтъ, небо было свѣтлѣе и вверху какъ будто сверкали звѣзды.

Теперь двери въ булочную были отворены. На троттуарѣ стоялъ городовой и еще какія-то смутныя, волнующіяся фигуры. Въ сѣняхъ, гдѣ по-прежнему крѣпко пахло печенымъ хлѣбомъ и кислыми дрожжами, толпились дворники и городовые. Владиміру Ивановичу показалось, что ужасно много городовыхъ и дворниковъ. Была настежь отворена и дверь въ комнату подпрапорщика, гдѣ по-прежнему горѣла лампа и было пусто и тихо.

Владиміръ Ивановичъ вошелъ и съ дикимъ любопытствомъ уставился на убитаго.

Гололобовъ лежалъ, смирно, свернувшись калачикомъ, въ совершенно неестественной для застрѣлившагося человѣка позѣ. Лежалъ онъ прямо посрединѣ комна-

ты, весь освѣщенный лампою. Никакого безпорядка въ комнатѣ не было, и все было такъ же, какъ и часъ тому назадъ.

Гололобовъ, очевидно, застрѣлился сейчасъ же по уходѣ гостя.

И Владиміръ Ивановичъ догадался объ этомъ: въ памяти его совершенно отчетливо выплывало освѣщенное окно, бокъ блестящаго самовара, который онъ принялъ было за лицо подпрапорщика, и что-то похожее на дымъ, тянувшійся передъ лампой.

Владиміръ Ивановичъ грузно опустился на колѣни и осторожно повернулъ къ себѣ голову подпрапорщика. Она послушно повернулась на длинной, мягкой шеѣ.

То мѣсто, гдѣ Владиміръ Ивановичъ еще недавно видѣлъ и ожидалъ увидѣть знакомое тусклое лицо подпрапорщика, его безцвѣтные сѣрые глаза, незначительный носъ и бѣлые усики и брови,—представляло одно сплошное кровавое пятно. Все было разбито, обращено въ мѣсиво, залитое уже запекшейся кровью. Одинъ глазъ вытекъ, а другой былъ неестественно широко открытъ. Но этотъ глазъ уже не былъ похожъ на прекрасный человѣческій глазъ: это было противное, непрозрачное, огромное, мертвое существо, тупо и ужасно глядѣвшее на жизнь.

Владиміръ Ивановичъ вздрогнулъ и выпустилъ голову изъ рукъ.

Голова упала съ мягкимъ звукомъ.

— Изволите видѣть,—сказалъ сзади приставъ, тихо и робко:—изъ ружья застрѣлились... дробью! Утиною дробью чуть не весь стволъ набили, да въ ротъ и... видите! Боже ты мой, Боже!

Владиміръ Ивановичъ все полусидѣлъ на полу, глядя на бѣлобрысый затылокъ, который уже началъ синѣть.

Приставъ суетился. Подпрапорщика подняли и перенесли на кровать. Городовой, рыжій человѣкъ съ толстымъ краснымъ лицомъ, придерживая шапку, поправилъ подпрапорщику голову и перекрестился; челюсть у него прыгала, и онъ напрасно старался ее удержать.

Владиміръ Ивановичъ былъ какъ въ бреду. Онъ дѣлалъ все то, что надлежало дѣлать человѣку его профессіи. Писалъ, подписывалъ, говорилъ вполнѣ ясно, отвѣчая на вопросы пристава, но дѣлалъ это совершенно машинально и съ смутнымъ сознаніемъ ненужности и ничтожества того, что дѣлалъ. Его все тянуло къ кровати, на которой смирно и неподвижно лежалъ подпрапорщикъ Гололобовъ.

Когда всѣ формальности были кончены,

Владиміръ Ивановичъ опять подошелъ къ кровати, постоялъ, посмотрѣлъ, зачѣмъ-то протянулъ руку и тронулъ выпученный страшный глазъ. И Владиміру Ивановичу, и городовымъ, и приставу казалось, что глазъ непремѣнно долженъ закрыться, моргнуть. Но глазъ былъ неподвиженъ. И это было странно, непріятно и страшно такъ, что всѣмъ стало жутко въ этой комнатѣ.

Но Владиміру Ивановичу только теперь съ особенной силой, яркостью и ясностью стало понятно, что подпрапорщикъ Гололобовъ умеръ. То, что было подпрапорщикомъ Гололобовымъ, уже не было ни подпрапорщикомъ, ни Гололобовымъ, ни человѣкомъ, ни существомъ, а было трупомъ. Его можно было трогать, бросать, сжечь, и онъ только покорно и мертво подавался бы на всякое постороннее усиліе. Но въ то же время Владиміръ Ивановичъ видѣлъ, что это именно подпрапорщикъ Гололобовъ. То, что съ нимъ произошло, было совершенно непонятно, совершенно невообразимо и неощутимо, но ужасно, противно и жалко.

Эта жалость вдругъ вынырнула откуда-то, и момента, когда она появилась, Владиміръ Ивановичъ не замѣтилъ. Но она тотчасъ же подавила собою ужасъ и брезгли-

вость, и недоумѣніе и со страшною силой наполнила, казалось, весь организмъ Владиміра Ивановича. Ему вдругъ припомнилось все, что характеризовало живого подпрапорщика Гололобова: его походка, его позы, его стриженая голова, его глаза, некрасивое лицо, бѣлыя рѣсницы, и все это было такъ неизмѣримо прекрасно, такъ трогательно и мило въ сравненіи съ тѣмъ, что было сейчасъ. Владиміръ Ивановичъ почему-то посмотрѣлъ на лакированные сапоги, которые недавно, на живыхъ и крѣпкихъ ногахъ подпрапорщика, такъ бойко выступали по лужамъ, а теперь неподвижно, страшно неподвижно лежали на бѣломъ чистомъ одѣялѣ кровати.

Владиміръ Ивановичъ поперхнулся, вздохнулъ и сразу заплакалъ, какъ будто давно зналъ, что только это и надо, и лишь сдерживался.

Усатый приставъ даже отшатнулся отъ него. Съ минуту онъ смотрѣлъ на Владиміра Ивановича съ слегка открытымъ ртомъ, а потомъ усы его вздрогнули, и онъ неожиданно для самого себя широко и неловко улыбнулся.

Но Владиміръ Ивановичъ не видѣлъ этой улыбки; онъ безпомощно опустился на

стулъ возлѣ кровати и зарыдалъ, и задрожалъ.

Приставъ испугался.

— Воды, ты!—почему-то грозно крикнулъ онъ на городового.

Городовой, зацѣпившись шашкой за косякъ, со стукомъ выскочилъ въ сѣни, а приставъ растерянно сталъ уговаривать доктора:

— Владимiръ Ивановичъ, что вы-съ?! Развѣ можно! Конечно, жалко... но что же дѣлать?

И приставъ широко и недоумѣло развелъ руками, а потомъ сердито и, точно ругаясь, крикнулъ:

— Да воды же! Ну!

Воду принесъ въ глиняной чашкѣ большой старый городовой съ испуганнымъ лицомъ

— Ну, вотъ... выпейте, докторъ! Пейте... —уговаривалъ приставъ, подавая воду.

Владимiръ Ивановичъ, стукаясь зубами о чашку, пилъ теплую воду съ запахомъ хлѣба и дрожжей.

— Ну, вотъ, ну, вотъ!—обрадованно говорилъ приставъ.—Да и пойдемте отсюда... Богъ съ нимъ!

Владимiръ Ивановичъ пересталъ плакать и оглянулся недоумѣло и смущенно.

И его поразило странное выраженіе лицъ, стоявшихъ передъ нимъ: и приставъ, и большой старый городовой, что принесъ воду, и другой, красный, рыжій и толстый, такъ смотрѣли, какъ будто его припадокъ былъ неизмѣримо важнѣе и интереснѣе мертвеца, лежавшаго на постели. Всѣ смотрѣли на него, помогали ему, заботились о немъ; а мертвый подпрапорщикъ Гололобовъ лежалъ смирно и одиноко, какъ никому уже ненужная, непріятная и мѣшающая вещь.

— Пойдемте, докторъ, право!—настаивалъ приставъ.

Владиміръ Ивановичъ машинально всталъ, взялъ фуражку, поданную городовымъ, и, пройдя сѣни, гдѣ хотя по-прежнему пахло теплымъ хлѣбомъ и дрожжами, но стоялъ и еще какой-то свѣжій, бодрый запахъ, занесенный живыми, здоровыми людьми со двора,—вышелъ на крыльцо.

И то, что онъ увидѣлъ, поразило его.

Было утро. Небо было совершенно чисто и прозрачно. Дождь прошелъ; но все было еще мокро и блестѣло, какъ вымытое. Зелень ярко зеленѣла. Прямо противъ Владиміра Ивановича восходило еще невидимое солнце, и это мѣсто неба было ослѣпительно ярко, сіяло, горѣло и искрилось.

Воздухъ дрожалъ и лился въ грудь вольными, могучими, чистыми и мягкими волнами.

— А...—удивленно протянулъ Владиміръ Ивановичъ.

— Чудное утро! — сказалъ приставъ, снимая фуражку и съ удовольствіемъ подставляя свою лысую голову навстрѣчу живой прохладѣ

— Столько дней дождь, а тутъ вдругъ этакая благодать! А?—продолжалъ съ наслажденіемъ приставъ.—Какъ хорошо, все равно... тотъ-то, бѣдняга, и не увидитъ ужъ.

И приставъ, дѣлая значительное и скорбное лицо, кивнулъ головой назадъ. И сейчасъ же Владиміру Ивановичу представилась страшная, молчаливая, почему-то, когда вездѣ свѣтло, освѣщенная лампой комната и неподвижный мертвый подпрапорщикъ. Но приставъ не могъ удержать значительнаго и скорбнаго выраженія, усы его дрогнули, носъ сморщился, и, пріятно улыбаясь, онъ сказалъ:

—И спать даже не хочется... жаль утра! Хорошо бы теперь того... выкупаться и рыбку поудить... Я—охотникъ, вѣдь. А вы не ловите?

И печальная, страшная комната пропала. Владиміръ Ивановичъ опять увидѣлъ

свѣтъ, небо, людей и услышалъ милый, живой голосъ пристава.

— Да, отчего же!—восторженно отвѣтилъ онъ.

И подумалъ, что приставъ прекрасный, интересный, живой человѣкъ.

— Можетъ, поѣдемъ вмѣстѣ когда-нибудь? Я съ вами мало знакомъ, но...

— Конечно, конечно!—отвѣтилъ быстро Владиміръ Ивановичъ.

Мимо пролетѣлъ, чирикая, воробей; Владиміръ Ивановичъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и радостно подумалъ:

«Ишь, какъ работаетъ!».

— Ну, а пока до свиданія, докторъ,—сказалъ приставъ и, вдругъ, съ видимымъ усиліемъ измѣнивъ выраженіе лица изъ веселаго и легкаго на тяжелое и значительное, неестественнымъ тономъ прибавилъ:—а мнѣ еще того... надо.

Онъ пожалъ руку доктору и, видимо, боясь, чтобы тотъ не послѣдовалъ за нимъ, торопливо ушелъ въ домъ.

Владиміръ Ивановичъ снялъ шапку, широко улыбнулся и пошелъ. Проходя мимо открытаго окна, онъ увидѣлъ поблѣднѣвшую слабую лампу, и что-то рѣзкое скользнуло у него по сердцу. Но въ это время кто-то, вѣроятно приставъ, дунулъ и потушилъ

лампу. Слабый огонекъ мгновенно исчезъ, и сталъ виденъ потолокъ комнаты и самоваръ, блестѣвшій отраженіемъ неба.

Владиміръ Ивановичъ шелъ по улицѣ и смотрѣлъ. И все, что было вокругъ, все двигалось, искрилось и жило. Владиміръ Ивановичъ смотрѣлъ на всякое движеніе и чувствовалъ что-то могучее, неразрывное, что связывало его въ одно съ этимъ живымъ, движущимся міромъ. Онъ смотрѣлъ на свои ноги и, точно первый разъ ихъ видя, едва не засмѣялся: такими милыми и прекрасными показались ему онѣ.

«Вотъ, я о нихъ вовсе не думаю, а онѣ идутъ!»—подумалъ Владиміръ Ивановичъ.

«И это вовсе не такъ обыкновенно, какъ я думалъ всегда... Это удивительно, чудесно и прекрасно. Вотъ я захочу протянуть руку и протяну!».

Владиміръ Ивановичъ протянулъ руку и радостно засмѣялся, глядя на выбѣжавшую на дорогу бѣлую собаченку. Собаченка шарахнулась отъ протянутой руки, тявкнула и озабоченно посмотрѣла, поднявъ ухо, на Владиміра Ивановича.

«Славная собаченка!»—подумалъ Владиміръ Ивановичъ.

И еще никогда въ жизни не испытанное имъ чувство при сознаніи, что онъ и соба-

ка смотрятъ другъ на друга, а не лежатъ безразлично и неподвижно среди живущаго двигающагося міра, нахлынуло на него.

«Все, что угодно»,—подумалъ Владиміръ Ивановичъ,—«страхъ, боязнь, злоба, все, все... только бы это было во мнѣ, потому что это—я! Я вотъ... я иду, я думаю, я вижу, я чувствую... безразлично что... а не лежу мертвый. Я умру, разумѣется!»

И, совершенно спокойно подумавъ эту послѣднюю мысль, Владиміръ Ивановичъ вслухъ проговорилъ:

— А надо когда-нибудь поѣхать рыбу ловить съ этимъ приставомъ!

И, широко шагая, двигая руками, ногами и что есть силы набирая воздухъ въ легкія, Владиміръ Ивановичъ пошелъ дальше.

И вдругъ передъ нимъ что-то вспыхнуло, засверкало и засіяло такъ ослѣпительно ярко, что Владиміръ Ивановичъ зажмурилъ глаза.

Взошло солнце.

1902 г.

РАЗСКАЗЪ О ВЕЛИКОМЪ ЗНАНІИ.

Былъ у меня одинъ пріятель, человѣкъ души уязвленной и ума изступленнаго.

Былъ онъ весьма талантливъ и не такъ еще давно написалъ книгу, вызвавшую большой и даже необыкновенный шумъ. Многіе узрѣли въ немъ пророка, многіе безнравственнаго мерзавца и только нѣкоторые —человѣка глубочайшей проніи. Врядъ ли не я одинъ понялъ, что книга эта (кстати сказать, характера мрачнаго и даже нигилистическаго въ глубочайшемъ смыслѣ этого слова) была просто крикомъ сердца измученнаго, души извѣрившейся, разума, смѣющагося надъ самимъ собою.

Я не вполнѣ знаю его біографію. Извѣстно только, что родился онъ гдѣ-то въ захолустномъ городишкѣ, въ семьѣ мелкаго чиновника, дѣтство провелъ болѣзненное и заброшенное, ибо матери лишился что-то очень рано и остался на рукахъ няньки, совершенно простой бабы, изъ солдатокъ, ко-

торая къ тому же любила выпивать не въ мѣру.

Какимъ образомъ у него появилось это непомѣрное, можно сказать, трагическое самолюбіе и мечты о власти необычайной, сказать трудно, принимая во вниманіе наслѣдственность мелкаго чиновника, бѣдность, заброшенность и воспитаніе няньки, солдатки и пьяницы.

Не менѣе трудно опредѣлить, откуда явилась непобѣдимая пытливость ума, склонность къ мечтаніямъ, незаурядная воля и талантливость натуры вообще.

Надо сознаться, что мы еще очень далеки отъ проникновенія въ подлинныя тайны человѣческаго «я».

Трудность же анализа, даже для меня, человѣка... впрочемъ, это все равно... трудность анализа усугублялась тѣмъ, что онъ не любилъ и даже не умѣлъ разсказывать о себѣ. Какъ-то такъ выходило, что во всемъ его дѣтствѣ не было ничего замѣчательнѣе любви къ дворовымъ собакамъ и первой книги, прочитанной имъ лѣтъ семи отъ роду, а именно—сочиненій Марка Твэна.

Нѣсколько разъ, правда, онъ разсказывалъ при мнѣ одинъ эпизодъ, случившійся въ годъ смерти матери, когда ему было не

больше двухъ лѣтъ, и разсказывалъ даже съ большимъ удовольствіемъ. Но я никакъ не могъ понять, чѣмъ замѣчателенъ этотъ случай и какіе выводы на немъ можно построить.

Желая быть объективнымъ, однако, эпизодъ этотъ воспроизведу, хотя, повторяю, не вижу въ немъ ничего достопримѣчательнаго.

Дѣло было такъ: въ яркій солнечный день мальчикъ этотъ, двухъ лѣтъ отъ роду, сидѣлъ гдѣ-то на дворѣ и мылъ въ лужѣ свои собственныя штанишки; жилъ же въ ихъ дворѣ какой-то отставной и выжившій изъ ума профессоръ, длинный и сухой нѣмецъ, всегда ходившій въ длиннѣйшемъ черномъ сюртукѣ; оный нѣмецъ наткнулся на мальчика и спросилъ его:

— Что ты дѣлаешь? Малшикъ, маленькій малшикъ?

На это мальчикъ весьма разсудительно и солидно объяснилъ, что моетъ онъ свои штанишки, такъ какъ мамы у него нѣтъ, и если онъ самъ о себѣ не позаботится, то такъ и будетъ ходить въ грязныхъ штанишкахъ.

Тогда нѣмецъ тяжко вздохнулъ, кряхтя полѣзъ въ задній карманъ своего безконечнаго сюртука, вытащилъ длинный фуляро-

вый краснаго цвѣта платокъ и приложилъ къ глазамъ. Потомъ погладилъ мальчика по головѣ, сказалъ:

— Бѣдный малшикъ!

И отошелъ.

Вотъ и весь эпизодъ! И я, ей Богу, не понимаю, какой можетъ быть въ немъ особый смыслъ, чтобы разсказывать его съ такимъ многозначительнымъ наслажденіемъ.

О послѣдующей его жизни знаю уже совсѣмъ мало. Знаю только, что гимназіи онъ не кончилъ, шалуномъ и драчуномъ былъ отъявленнымъ, съ явнымъ стремленіемъ вѣчно быть вождемъ, чѣмъ главнымъ образомъ и объяснялись всѣ его выходки, иногда для дѣтскаго возраста даже и совсѣмъ нелѣпыя.

Такъ, напримѣръ, будучи въ пятомъ, кажется, классѣ, идя однажды ночью по полю, усмотрѣлъ онъ огромную вывѣску, съ надписью: мѣсто для свалки навоза. Немедленно отодралъ онъ огромную доску отъ столба, съ величайшимъ трудомъ притащилъ въ городъ и прибилъ на воротахъ городского кладбища. Зачѣмъ!.. Неизвѣстно!..

По выходѣ изъ гимназіи куда-то отправился учиться живописи, гдѣ-то голодалъ, едва не сдѣлался шуллеромъ, зарабатывалъ на жизнь, рисуя увеличенные портре-

ты и карикатуры въ уличныхъ листкахъ, и вдругъ неожиданно всплылъ на верха литературы и весьма скоро сталъ извѣстенъ у насъ, а послѣ своей пресловутой книги, съ идеей которой я совершенно не согласенъ, прогремѣлъ даже и за границей.

Былъ онъ всегда меланхоличенъ и замкнутъ, хотя и высказывался весьма откровенно. Думаю однако, что откровенность была только кажущаяся, а самое главное, безъ чего все остается ложью, онъ всегда таилъ.

Когда я съ нимъ познакомился, былъ онъ въ угарѣ увлеченія женщинами. Былъ же онъ сладострастенъ несомнѣнно. Глупыя женщины льнули къ нему со всѣхъ сторонъ, прельщенныя его извѣстностью и нѣкоторой оргинальностью манеръ и внѣшности, и бралъ онъ ихъ всѣхъ безъ разбора, даже до странности.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ форменнаго распутства вдругъ объявился женоненавистникомъ и даже сталъ жестокъ, хотя и не безъ странностей: явно презирая женщинъ, умилялся каждой милой женской чертѣ, явно издѣваясь надъ ними, былъ иногда излишне даже мягокъ и жалостливъ до сентиментальности.

Впрочемъ, въ этой сентиментальности было нѣчто, что наблюдается у закоренѣ-

лыхъ и хладнокровныхъ убійцъ, которые, вырѣзавъ на своемъ вѣку десятки людей, вдругъ сюсюкаютъ надъ какимъ-нибудь слюнявымъ младенцемъ или шелудивымъ щенкомъ.

Вотъ и все, что я могу сказать о немъ.

Къ тому же времени, отъ котораго хочу начать разсказъ о его странномъ и страшномъ концѣ, вдругъ явилась у него потребность одиночества, и уѣхавъ въ глухую провинцію, поселился онъ въ уединенной барской усадьбѣ, въ которой даже и мебели порядочной не было.

Туда-то, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о которыхъ, какъ о не идущихъ къ дѣлу, распространяться не буду, пріѣхалъ къ нему и я.

II.

Усадьба была окружена глухимъ сосновымъ лѣсомъ, въ которомъ еще сохранились слѣды бывшаго когда-то парка и кое-гдѣ еще попадались разбитые амуры и Венеры безъ носовъ.

По ночамъ во тьмѣ, когда начинали шумѣть сосны и казалось, что обезображенные Венеры и амуры движутся въ темнотѣ, бывало прямо-таки жутко.

Комнаты были обширны, но обставлены самыми плачевными остатками мебели, такъ что въ залѣ, напримѣръ, стоялъ всего-на-всего одинъ древнѣйшій зеленый штофный диванъ, изъ котораго крысы повытаскали всю набивку и который иногда даже безо всякой видимой причины начиналъ звенѣть всѣми своими многочисленными пружинами.

Спали мы на разныхъ концахъ дома, передъ сномъ же обычно сходились въ столовой, ужинали и спорили о вопросахъ чисто философскихъ, причемъ онъ заявлялъ себя реалистомъ чистѣйшей воды, хотя тайнъ и не отрицалъ и узокъ не былъ. Матеріалистомъ я бы его не назвалъ, ибо матеріалистъ ограниченъ и все знаетъ, и все объясняетъ, а онъ допускалъ неограниченность тайнъ и возможность невозможнѣйшаго.

Думаю, что могу прямо перейти къ той непонятной ночи, которую попытаюсь объяснить только къ концѣ, а пока предоставлю принимать, какъ угодно.

Передъ этимъ нѣсколько дней онъ былъ очень задумчивъ и раздражителенъ, а въ этотъ вечеръ мы много спорили и между прочимъ коснулись вопроса объ удивленіи. Я утверждалъ, что ничему удивляться не могу, ибо и самое невозможное возможно, и

что бы я ни узналъ и ни увидѣлъ, хотя бы и самого чорта, приму какъ фактъ, доселѣ мнѣ неизвѣстный, но вытекшій изъ законовъ, несомнѣнно существующихъ.

Вотъ тутъ-то меня поразила его улыбка. Онъ улыбнулся такъ, какъ будто ловилъ меня на словѣ.

— Итакъ, вы ничему не способны удивиться?

— Конечно!

— Но въ такомъ случаѣ вы и ужаснуться не можете?

— Да. Я могу испугаться явной опасности, но не непонятнаго, какъ бы ни было оно странно.

Тогда онъ закивалъ головой съ явнымъ, но совершенно непонятнымъ мнѣ въ ту минуту удовольствіемъ и какъ-то ужъ очень скоро распрощался и ушелъ къ себѣ.

Я легъ на кровать одѣтый, началъ было читать, но незамѣтно уснулъ, забывъ даже погасить лампу.

Спалъ я, должно быть, недолго, и проснулся отъ неопредѣленнаго ощущенія какого-то безпокойства.

Когда я открылъ глаза, онъ стоялъ въ ногахъ моей кровати и, замѣтивъ, что я не сплю, сказалъ:

— Я хотѣлъ попросить васъ встать и пойти со мною.

Я всталъ, нѣсколько встревожившись: отъ такого человѣка можно было ожидать всевозможныхъ неожиданностей. Къ тому же лицо его меня поразило.

Было оно чрезвычайно блѣдно, съ синими кругами подъ глазами, но въ то же время странно восторженно. Почему-то мнѣ пришло въ голову, что такое замученное и восторженное лицо должно быть у какого-нибудь алхимика, до смертельной усталости просидѣвшаго всю жизнь надъ труднѣйшими и опаснѣйшими изысканiями, когда вдругъ видитъ онъ, что вслѣдъ за послѣднимъ усилiемъ уже близко величайшее и вожделѣнное открытiе.

Я тотчасъ же всталъ и послѣдовалъ за нимъ, мгновенно почему-то рѣшивъ ничего не спрашивать и приготовиться ко всему.

III.

Еще изъ коридора увидѣлъ я, что дверь въ залъ, обычно темный, освѣщена страннымъ зеленоватымъ свѣтомъ.

— Что это значитъ?—невольно вырвалось у меня, но онъ не отвѣтилъ и поспѣшно прошелъ впередъ.

Я вошелъ за нимъ.

И вотъ тутъ-то увидѣлъ я нѣчто весьма странное и даже совершенно непонятное.

Весь этотъ пустой и унылый залъ былъ освѣщенъ мутнымъ зеленымъ и какъ бы студенистымъ свѣтомъ отъ высокихъ четырехъ подсвѣчниковъ, стоящихъ по всѣмъ угламъ.

Въ ихъ свѣтѣ было нѣчто противное, мертвое и даже какъ бы разлагающееся. Взглянувъ на его лицо, я замѣтилъ, что и оно, благодаря освѣщенію, приняло видъ трупа. Помню, что съ отвращеніемъ необъяснимымъ подумалъ, что вѣроятно и у меня такое же лицо.

Однако, почему-то не говоря ни слова, я сѣлъ на зеленый диванъ, едва не чихнувъ отъ поднявшейся пыли и невольно вздрогнувъ отъ жалобнаго звона всѣхъ его проржавѣвшихъ пружинъ.

Какое-то странное раздраженіе охватило меня. Мнѣ вдругъ стало все противно, ненужно и совершенно нелѣпо. Но въ то же время не хотѣлось ничего говорить и спрашивать, и, съ величайшимъ омерзѣніемъ стиснувъ зубы, я рѣшилъ сидѣть и молчать, какія бы глупости ни вздумалъ онъ выкинуть.

О своихъ личныхъ дальнѣйшихъ ощущеніяхъ ничего не могу сказать опредѣлен-

наго, ибо и помню все смутно. Въ послѣдующее время у меня было такое ощущеніе, какъ у человѣка, который, проснувшись, помнитъ, что видѣлъ какой-то скверный и страшный сонъ, но совершенно не можетъ вспомнить, что именно.

Я передамъ только то, что видѣлъ, прибавивъ, что помню отлично, какъ чувство невыносимаго отвращенія не оставляло меня все время, иногда доходя даже до положительной тошноты.

Какъ только я сѣлъ и замолкли застонавшія пружины, онъ всталъ посреди зала и поднялъ руку, какъ бы призывая ко вниманію. Жестъ показался мнѣ театральнымъ и противнымъ, какъ и все остальное, но лицо его я разсмотрѣлъ хорошо: оно было полно восторга неизъяснимаго, близкаго къ безумію, и глаза его блестѣли лихорадочно.

И какъ только онъ поднялъ руку, сейчасъ же ярче вспыхнулъ зеленый свѣтъ, и замѣтилъ я, что какъ бы малые зеленые огоньки пробѣжали вдоль его поднятой руки. Мнѣ послышалось, что сосны кругомъ дома зашумѣли усиленно и жалобно, какъ бы предостерегая.

И вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ я, что въ углу, за каждымъ свѣтильникомъ, появилось нѣчто... Было это неопредѣленно, по-

добно туманнымъ фигурамъ, весьма высокимъ и тощимъ, но колебалось, какъ водоросли въ водѣ, и расплывалось во всѣ стороны.

И я услышалъ его голосъ, восторженный, надорванный напряженіемъ неимовѣрнымъ:

— Я готовъ!

Въ ту же минуту замѣтилъ я, что на подоконникѣ огромнаго наглухо запертаго венеціанскаго окна что-то появилось.

Сосны зашумѣли еще протяжнѣе и жалобнѣе.

На окнѣ сидѣло нѣчто чрезвычайно неопредѣленное... Какъ бы огромное студенистое и зеленоватое брюхо, съ весьма отчетливо видимымъ пупкомъ. Ясно былъ виденъ этотъ пупокъ и жирныя складки, свисавшія съ подоконника. Но выше едва намѣчалось, то выступая, то совсѣмъ выпадая, нѣкое лицо. Чертъ его я не могъ разобрать, несмотря на всѣ усилія. Къ тому же тошнота поднялась къ самому горлу и, помню, я съ большимъ спокойствіемъ подумалъ:

«Надо бы касторки принять!»

Между тѣмъ, зеленый свѣтъ то разгорался, то погасалъ; зеленыя тѣни по угламъ за свѣтильниками колебались, рас-

тягивались, выступали и пропадали; то ярче, то прозрачнѣе намѣчалось огромное надутое чрево на окнѣ. Временами оно блестѣло отъ жира и было мясисто, временами дѣлалось какъ бы прозрачно и сквозь него ясно были видны переплеты окна. Сосны шумѣли, и слышно было, какъ старая ель подъ самымъ окномъ мучительно скрипѣла.

Я ровно ничего не понималъ. Тишина стояла въ пустомъ залѣ мертвая. Но въ то же время какимъ-то внутреннимъ слухомъ въ глубокомъ молчаніи воспринималъ я какъ бы разговоръ двухъ голосовъ.

И вдругъ понялъ, что присутствую при церемоніи продажи души чорту и что отвратительное брюхо на окнѣ и есть чортъ.

Помню, что я не удивился, не испугался, принялъ это, какъ нѣчто самое естественное и возможное. Но сознаніе какой-то страшной роковой ошибки, полной ненужности и отвращенія, стало даже какъ бы нестерпимой грустью.

— Ты хочешь знать?—спрашивалъ нѣкто, какъ бы изъ всѣхъ угловъ.—Но великое знаніе умножаетъ скорбь, и печаль—удѣлъ мудраго!

— Знаю... хочу!—отвѣчалъ человѣческій голосъ, восторженный и отчаянный.

Свѣтильники вспыхнули ярче, брюхо на окнѣ выступило отчетливо, голо и нагло, лоснясь отъ жира.

— Ты не вынесешь всезнанія, ты—человѣкъ!—повторилъ голосъ.

— Знаю, хочу!—отвѣтилъ другой среди полнаго безмолвія, еще изступленнѣе.

Сосны зашумѣли, какъ бы съ воплемъ и стенаніемъ.

— Ты погибнешь!—сказала тишина.

— Знаю... хочу!—въ третій разъ услышалъ я голосъ, и это былъ уже не тотъ голосъ: это былъ мертвенный, какъ бы смертельно усталый шопотъ. Глубочайшее равнодушіе звучало въ немъ.

Ярко вспыхнули свѣтильники; надъ тѣнями въ углахъ выглянули какія-то отвратительныя ужасныя лица; голо и страшно выступило на подоконникѣ массивное чрево, сотрясшееся отъ смѣха. И надъ нимъ на одно мгновеніе показалось лицо, красоты поразительной, блеска нестерпимаго. Мнѣ почудилось, что было это лицо прекраснѣйшей изъ женщинъ въ соблазнительной и страшной красотѣ...

Я вскочилъ, самъ не зная почему... Мнѣ еще показалось, что прекрасное сладострастное лицо женщины выразило скорбь неутолимую и жалость почти любовную.

Но вдругъ мракъ и тишина охватили меня.

Молча, съ душой потрясенной, я ощупью выбрался изъ зала. Ужасъ безсмыслія стоялъ за моей спиной.

Въ комнатѣ моей по-прежнему горѣла лампа. Подушка была измята моей головой, книга лежала поверхъ одѣяла. Все было такъ просто, обычно и мило. Я бросился лицомъ внизъ на кровать и почувствовалъ, что тоска рветъ мое сердце. Мгновенно лицо мое стало мокро. Я плакалъ, рвалъ на себѣ волосы, бился лицомъ о подушку... Я чувствовалъ, что нѣчто великое умерло сейчасъ, и я не могу никогда, никогда поправить какой-то ужасной ошибки...

IV.

Я проснулся поздно и не могъ понять, что со мной. Проснулся одѣтый, съ сознаніемъ чего-то ужаснаго, но не могъ осознать, сонъ или явь было то, что я видѣлъ ночью.

Кое-какъ умывшись, я вышелъ на террасу.

День былъ блѣдный и пасмурный. Небо было бѣло и непривѣтливо. Холодный вѣ-

теръ гналъ между соснами мелкую сухую пыль и кружилъ прошлогодними листьями. Странная пустота и тишина были вокругъ.

Страшное сознаніе полнаго одиночества въ мертвомъ пустомъ лѣсу охватило меня. Я крикнулъ его имя и испугался собственнаго голоса. Онъ прозвучалъ слабо, и никто не отвѣтилъ ему. Впервые я почувствовалъ такъ ясно, что громаденъ и безграниченъ міръ, и я одинъ—пылинка, которую вѣтеръ кружитъ среди мертвыхъ сосенъ.

Въ страшной тоскѣ я сбѣжалъ съ крыльца и бросился искать. Я стучалъ по соснамъ, кричалъ, звалъ, ругался, просилъ... Я готовъ былъ плакать, чтобы только показалось живое лицо.

И вдругъ увидѣлъ его.

Онъ шелъ среди сосенъ и смотрѣлъ прямо на меня. Я какъ-то не замѣтилъ, былъ ли онъ одѣтъ или нагъ, я видѣлъ только какъ бы идущее по воздуху отдѣленное отъ всего міра его лицо.

Я бросился къ нему и сталъ въ ужасѣ.

Мертвое, совершенно остеклѣвшее лицо блѣдно и медленно проплыло мимо меня. Еще увидѣлъ я его глаза: въ нихъ было мертвое равнодушіе... Ни тоски, ни страха,

ни боли, ни отчаянія, ни одного человѣческаго чувства не было въ ихъ прозрачной, какъ бы всевидящей и ничего не отражающей глубинѣ. Они показались мнѣ совершенно пустыми, эти человѣческіе глаза!

Онъ прошелъ мимо и скрылся среди сосенъ. Я остался на мѣстѣ въ тупомъ и блѣдномъ забытьи. Сосны высоко стояли кругомъ, вѣтеръ крутилъ мелкую сухую пыль и листочки прошлогодней травы. Бѣлое небо слѣпо и равнодушно стояло высоко вверху, недосягаемое и пустое.

И вдругъ страшное бѣшенство охватило меня. Я весь затрясся.

«Онъ знаетъ все!»—вдругъ нелѣпо пронеслось у меня въ головѣ, и ужасъ этого всезнанія оледенилъ меня. Я почувствовалъ, что долженъ бѣжать, долженъ во что бы то ни стало найти его, убить, уничтожить, растоптать ногами, какъ ядовитую гадину.

Въ ярости и дрожи ужаса я сорвался съ мѣста и побѣжалъ. Я бѣгалъ среди сосенъ, за домомъ, въ полѣ, пробѣжалъ всѣ комнаты, черезъ залъ, гдѣ унылымъ звономъ откликнулись на мой изступленный бѣгъ всѣ пружины стараго дивана... Я рыскалъ, какъ звѣрь, какъ сумасшедшій, и думалъ въ бѣшенствѣ только о томъ, что

я не найду его и онъ останется жить... Онъ, съ этими пустыми глазами!

Помню, что, пробѣгая черезъ свою комнату, я безсознательно схватилъ тяжелый стальной штативъ отъ своего фотографическаго аппарата.

И я нашелъ его...

За сарайчикомъ для дровъ было у насъ отхожее мѣсто... Простая, неглубокая зловонная яма, черезъ которую была перекинута доска...

Онъ былъ тамъ: онъ сталъ на колѣни, прилегъ грудью на край ямы и погрузилъ голову въ зловонныя нечистоты...

Онъ былъ совершенно мертвъ!

V.

Конечно... Все это былъ сонъ!.. Но онъ дѣйствительно покончилъ жизнь такимъ страннымъ и непристойнымъ образомъ. Онъ даже и здѣсь, очевидно, стремился къ своеобразной оригинальности!

Теперь, вспоминая его, я вижу ясно, что это былъ деспотъ, свою прекрасную душу и громадный умъ отдавшій въ жертву неутолимаго стремленія къ міровой власти!

И къ тому же, какъ всѣ деспоты, онъ былъ позеръ, гнавшійся даже въ послѣд-

нюю минуту за исключительной оригинальностью.

Все же ночное я видѣлъ во снѣ. Его навѣялъ мнѣ нашъ послѣднiй разговоръ и та инстинктивная тоска, которую чувствуетъ все живое при приближенiи смерти, которая заставляетъ собакъ выть передъ покойникомъ.

Несомнѣнно, что въ эту ночь онъ обдумывалъ свое самоубiйство, а я чувствовалъ это.

Чѣмъ была вызвана его позорная, малодушная смерть?.. Не знаю... Возможно, въ концѣ концовъ, что онъ былъ просто ненормаленъ.

Странности въ немъ всегда замѣчались.

УЖАСЪ.

I.

По обыкновенію, весь вечеръ Ниночка провела у старичковъ Иволгиныхъ. Ей было хорошо, весело у нихъ, и потому, что у старичковъ было свѣтло и уютно, и потому, что отъ молодости, радости и надеждъ, наполнявшихъ ее съ ногъ до головы, ей вездѣ было весело. Все время она болтала о томъ, какъ удивительно ей хочется жить и веселиться. Часовъ въ одиннадцать она собралась домой, и провожать ее пошелъ самъ старичокъ Иволгинъ.

На дворѣ было темно и сыро. Отъ рѣки, невидимой за темными, смутными силуэтами избъ и сараевъ, слитыхъ въ одну и призрачную, и тяжелую черную массу, дулъ порывистый, сырой и упругій вѣтеръ, и слышно было, какъ грозно и печально гудѣли вербы въ огородахъ. На рѣкѣ что-то сопѣло, медленно ползло съ

тягучимъ нарастающимъ шорохомъ, и вдругъ разсыпалось съ страннымъ звономъ, трескомъ и всхлипываніемъ.

— Ледъ тронулся,—сказалъ Иволгинъ, съ трудомъ шагая противъ вѣтра.

Вѣтеръ рвалъ и моталъ полы его шинели и юбку Ниночки и откуда-то брызгалъ въ лицо мелкими холодными каплями.

— Весна идетъ!—весело и звонко, какъ все, что говорила, отвѣтила Ниночка.

И, дѣйствительно, казалось, что во мракѣ ночи кто-то идетъ по рѣкѣ, по воздуху, по вѣтру. Идетъ властный, могучій, теплый и сырой.

— Вотъ скоро вы и домой! — сказалъ Иволгинъ, только для того, чтбы сдѣлать пріятное милой дѣвушкѣ, такой молодой, такой веселой, доброй и нѣжной, всегда возбуждавшей въ его старомъ сердцѣ особенное и теплое, и радостное, и грустное чувство.

— Да, теперь, слава Богу, скоро уже!— отворачиваясь отъ вѣтра, прокричала Ниночка, и голосъ ея радостно и сладко вздрогнулъ.

Они прошли темную и мокрую улицу и повернули на площадь. Тамъ было пусто и вѣяло холодомъ, какъ изъ погреба. У ограды церкви еще лежалъ талый снѣгъ

и смутно бѣлѣлъ въ сѣроватой мглѣ. За церковью, едва видной въ темныхъ голыхъ деревьяхъ, точно черными костями шуршащихъ верхушками, выдвинулся большой кирпичный съ голыми углами домъ и взглянулъ прямо имъ въ глаза двумя ярко освѣщенными, зловѣщими отъ общей тьмы, окнами.

— А, кто-то пріѣхалъ,—съ любопытствомъ сказала Ниночка.

Они дошли до воротъ, заглянули во дворъ, темный и глухой, откуда дохнуло въ лицо теплымъ мокрымъ навозомъ, и остановились подъ крыльцомъ школы.

Ниночка протянула руку. Иволгинъ дружески пожалъ ея маленькіе нѣжные пальцы своей старой ладонью и сказалъ:

— Спокойной ночи, маленькое счастье!

Надвинувъ ушастую фуражку на уши и торопливо перебирая палкой, онъ пошелъ назадъ, оглянулся на окна, мелькнулъ согнутой спиной въ полосѣ ихъ яркаго свѣта и ушелъ въ сѣрую вѣтреную мглу.

Ниночка торопливо поднялась на крыльцо и постучалась въ темное окно. Кто-то вышелъ изъ воротъ и, тяжело шагая по лужамъ, подошелъ снизу къ крыльцу.

— Это ты, Матвѣй?—спросила Ниночка.—Ключъ у тебя?.. Кто пріѣхалъ?..

— Я, барышня,—сипло и хрипло отвѣтилъ черный человѣкъ.

— У тебя ключъ?

— Тутъ...

Матвѣй, скрипя ступеньками, поднялся на крыльцо, протиснулся мимо Ниночки и открылъ дверь. Тихо скрипнувъ, она тяжело осѣла въ черную тьму. Запахло хлѣбомъ.

— Кто пріѣхалъ?—опять спросила Ниночка.

Матвѣй молчалъ.

— Слѣдователь съ докторомъ, да становой... Въ Тарасовкѣ мертвое тѣло объявилось...

Ниночка ощупью прошла сѣни, вошла въ классную и долго искала спичекъ.

— И куда я ихъ всегда засуну!..

Матвѣй стоялъ гдѣ-то въ темнотѣ и молчалъ.

Ниночка нашла спички и зажгла лампу. Слабый свѣтъ, дрожа и замирая, расплылся по комнатѣ, уставленной похожими на гробы партами.

— Мнѣ, барышня, надо за лошадьми на пошту идти и чтобъ понятыхъ въ Тарасовку тоже...

— Ночью?—удивилась Ниночка, стоя передъ нимъ съ лампой.

Матвѣй повелъ шеей и вздохнулъ.

— Вы бы, барышня, лучше къ батюшкѣ, что ли, пошли, а то дюже пьяные. Орутъ, спать вамъ не дадутъ, гляди.

— Ничего, — отвѣтила Ниночка: — а развѣ очень пьянствуютъ?

— Да извѣстно,—не то съ досадой, не то съ завистью неохотно отвѣтилъ Матвѣй и опять вздохнулъ.—Цѣлый вечеръ безъ передыху пили.. Вы бы, пра, къ батюшкѣ... А то это у нихъ на цѣльную ночь...

— Ничего,—опять отвѣтила Ниночка.

Матвѣй неодобрительно помолчалъ.

— Ну, такъ я пойду, значитъ.

Ниночка проводила мужика, заперла за нимъ дверь на засовъ, прошла классную и ушла съ лампой въ свою комнату.

И сейчасъ же изъ-за запертой и завѣшенной ковромъ двери, которая отдѣляла комнату Ниночки отъ комнаты «для пріѣзжающихъ чиновниковъ», она услышала громкій, совсѣмъ пьяный смѣхъ, звонъ стекла и скрипѣніе дивана. Изъ-подъ двери сильно тянуло табакомъ и еще чѣмъ-то тяжелымъ и горячимъ.

Ниночка отворила форточку, съ любо-

пытствомъ оглянулась на дверь и, наставивъ ухо, прислушалась.

— Ладно, ладно... знаемъ мы васъ!.. А самъ, небось, давно ужъ зондировалъ... — кричалъ кто-то грубымъ и непріятнымъ голосомъ.

— Тише ты!—захлебываясь пьянымъ и тупымъ смѣхомъ, сказалъ другой.

И всѣ трое захохотали такъ, что дверь задрожала.

— Нѣтъ, ей Богу, господа, всего только одинъ разъ...

Ниночкѣ вдругъ стало отчего-то обидно и тяжело, хотя она ничего и не поняла. Смущенно и нерѣшительно она отошла къ столу.

«И правда, лучше бы остаться ночевать у Иволгиныхъ», — пугливо и брезгливо подумала она.

За стѣной кричали, шумѣли, двигали стульями и иногда, казалось, начинали драться, какъ дикіе звѣри въ клѣткѣ.

Ниночка старалась не слушать. Она задумчиво сидѣла у стола, смотрѣла на огонь лампы и думала:

«А еще говорятъ, что образованіе смягчаетъ человѣка... Наши мужики не стали бы такъ орать... Вѣдь знаютъ же они, что я здѣсь... Нѣтъ, скверный человѣкъ отъ

образованія становится еще сквернѣе... точно онъ нарочно все это дѣлаетъ».

Потомъ она стала думать, что къ концу апрѣля уже можно будетъ уѣхать.

«Хоть бы уже скорѣе... устала!»

И Ниночка безсознательно дѣлала усталое, скучное лицо, но вмѣсто того ей представлялось что-то веселое и свѣтлое, впереди мелькали какія-то интересныя лица, открывался какой-то широкій и яркій просторъ, и губы ея тихо и радостно улыбались потемнѣвшимъ задумчивымъ глазамъ.

Кто-то вдругъ дробно и отчетливо постучалъ въ дверь.

Ниночка вздрогнула и подняла голову.

— С... сударыня,—такъ близко, точно въ этой комнатѣ, громко прокричалъ кто-то:—нельзя ли у васъ с... свѣчечкой одолжиться... у насъ лампа тухнетъ.

Ниночка застѣнчиво улыбнулась, какъ будто ее могъ видѣть говорившій, и такъ же застѣнчиво отвѣтила:

— Ахъ, пожалуйста...

Она встала, торопливо порылась въ комодѣ, достала свѣчу и подошла къ двери. Задвижка была на ея сторонѣ, Ниночка отодвинула ее, чуть-чуть пріотворила дверь и просунула въ щелку руку.

— Вотъ возьмите, пожалуйста.

— Тыс-сяча бал-а-дарностей, сударыня...—неестественно вѣжливо и пьяно путаясь, проговорилъ тотъ же голосъ, и Ниночкѣ показалось, что онъ расшаркался, но свѣчи не брали. Ниночка держала руку за дверью и смущенно двигала свѣчой. Ей послышалось, какъ будто кто-то хихикнулъ, и вдругъ почувствовалось, что вблизи ея руки гадко, тайно и молчаливо дѣлается что-то. Но, прежде чѣмъ она успѣла сообразить что-нибудь, потная пухлая рука взяла свѣчу, съ фривольной любезностью слегка прижавъ кончики пальцевъ Ниночки къ скользкому холодному стеарину.

— Мерси, мерси, сударыня,—торопливо и еще болѣе неестественно проговорилъ тотъ же голосъ.

— Не стоитъ, право,—машинально отвѣтила Ниночка и втянула руку обратно.

Въ сосѣдней комнатѣ какъ будто затихло. Слышалось только смутное, сдержанное гудѣніе.

Ниночка успокоилась, сѣла на кровать, устало вздохнула и стала раздѣваться. Она сняла башмаки, юбку и кофточку и осталась сидѣть въ одной рубашкѣ и длинныхъ черныхъ чулкахъ съ голубыми резиновыми подвязками. Плотно обтянутыя чернымъ ноги казались мило маленькими и дѣтски

нѣжными, руки, тоненькія и круглыя, наивно блестѣли. Она стала причесываться на ночь: выбрала шпильки на колѣни, начала плести косу.

— Сударыня, — опять раздался за дверью голосъ,—мы пьемъ чай... можетъ, вы желаете съ нами чашечку?

Голосъ былъ тотъ же, пьяный, неестественно галантный, но что-то новое, безпокойное, послышалось въ немъ: казалось, что при каждомъ словѣ у говорившаго жадно и тревожно раздувались ноздри.

— Нѣтъ, спасибо!—испуганно отвѣтила Ниночка, хватаясь за одѣяло.

Голосъ умолкъ и наступила тишина. Одну секунду казалось, что все молчитъ, но потомъ въ форточку стало слышно далекое шуршаніе и сопѣніе на рѣкѣ. Вѣтеръ рванулъ ставню и прогудѣлъ по крышѣ, откуда посыпалось что-то и съ стекляннымъ звономъ разбилось внизу. Должно быть, сорвалась ледяная сосулька.

Нина тихо, почти крадучись, будто стараясь спрятаться, легла и натянула на себя одѣяло до самаго подбородка. Глаза у нея округлились и съ непонятнымъ, но холоднымъ ужасомъ, не моргая, смотрѣли на дверь, а въ головѣ, точно вспугнутыя

птицы, быстро и странно кружились мысли:

«Надо бѣжать... Хоть бы Матвѣй пришелъ»...

Но вмѣсто того, чтобы бѣжать, она боялась пошевельнуться, крѣпче притягивая къ подбородку одѣяло, судорожно зажатыми пальцами и стараясь себя успокоить:

«Чепуха, пьяные... что они могутъ сдѣлать... не посмѣютъ же они войти»...

Ей казалось, что это такъ просто и несомнѣнно, но въ эту же минуту она уже чувствовала приближеніе чего-то невѣроятнаго, нелѣпаго, но ужаснаго.

За дверью было тихо.

— Ну да... а задвижку-то, небось, оставила...—страшнымъ тихимъ шопотомъ прошепталъ кто-то близко-близко, точно надъ самымъ ухомъ Ниночки. И отъ этого шопота, ужаснаго именно тѣмъ, что онъ былъ еле-еле слышенъ, а она услышала его такъ, точно кто-то прокричалъ пронзительно и громко, смертный страхъ ударилъ въ голову Ниночки.

— А чѣмъ мы рискуемъ?..—вошелъ въ ея ухо тотъ же острый шопотъ, и въ ту же минуту послышался странный, осторожный и зловѣщій шорохъ. Какъ будто за

ковромъ кто-то тихо, чуть дыша, пробовалъ отворить дверь. Все хлынуло и закружилось въ головѣ Ниночки, страшный животный ужасъ охватилъ ея тѣло и душу, какая-то острая и яркая мысль объ ужасной, невѣроятной безсмыслицѣ и о неизбѣжности освѣтила, казалось, весь міръ, и, какъ будто, кто-то бросилъ ее. Ниночка вскочила и стала возлѣ кровати, полуголая, маленькая и остро-красивая, какъ звѣрекъ.

Коверъ тихо зашевелился, и изъ-за него, въ тѣни, выступила и стала какая-то неопредѣленная тяжелая тѣнь.

— Кто... что вамъ!.. Уйдите, я закричу!.. — проговорила Ниночка жалкимъ, дрожащимъ голосомъ.

Тѣнь вдругъ качнулась, шагнула, и большой, красный, тяжелый человѣкъ не то упалъ, не то вошелъ въ комнату. И сейчасъ же за нимъ выдвинулась другая тѣнь и третья.

— А... мы пришли... поблагодарить васъ за свѣчу... и... вообще... можетъ быть, вамъ скучно... такая прекрасная дѣвица и вдругъ... — нелѣпо и страшно заговорилъ человѣкъ, и по его круглымъ и жирнымъ, лишеннымъ человѣческаго выраженія, глазамъ Ниночка увидѣла и поняла, что

онъ пьянъ и еще что-то, послѣднее и неизбѣжное уже. И метнувшись, какъ ущемленная, она дико и остро закричала:

— Помогите!!.

— Тсс... ты! — испуганно свистнулъ кто-то.

Потомъ огромный, тяжелый и горячій навалился на нее и всѣмъ тѣломъ придавилъ поперекъ кровати. Кто-то потными твердыми пальцами крѣпко схватилъ голую ногу выше колѣна и отталкивалъ въ сторону, что-то нетерпѣливо бормоча и мокро задыхаясь отъ накатившей злобы безудержнаго сорвавшагося вожделѣнія...

II.

Они сразу отрезвѣли, когда все было кончено, и они пресытились, и тогда весь ужасъ содѣяннаго предсталъ передъ ними, холодный и растерянный.

На дворѣ уже сѣрѣло, лампа тухла, въ комнатѣ было душно и гадко. Подушки валялись на полу, одѣяло было сбито въ ногахъ. Вмѣсто рубашки на Ниночкѣ были одни лохмотья, и она лежала голая, вся въ ссадинахъ и синякахъ, извивалась, билась, плакала и кричала, и была уже не красива,

а жалка и страшна, можетъ быть, даже омерзительна.

Блѣдный длинный становой, въ одной рубашкѣ и рейтузахъ, держалъ ее на кровати, навалившись поперекъ всѣмъ тѣломъ, и зажималъ ей ротъ. Докторъ и слѣдователь стояли возлѣ, нелѣпо толклись на мѣстѣ. Руки у нихъ вздрагивали, глаза мутно ширились, лица странно сѣрѣли въ сумракѣ утра.

— Послушайте, голубушка... вѣдь теперь уже все равно... не воротишь... Послушайте... Вѣдь ужъ все равно теперь, поймите... — твердили всѣ трое, перебивая другъ друга, то разомъ, трусливо и растерянно, замолкая.

Но Ниночка, въ которой уже не было ничего прежняго, мягкаго, нѣжнаго, милаго, а только жалкое, изуродованное, грязное, извивалась въ рукахъ станового, рвалась и, безумно закативъ глаза, кричала.

— Что съ ней теперь дѣлать!? — съ отчаяніемъ и трусливой злобой сквозь зубы проговорилъ слѣдователь.

На деревнѣ уже слышался неопредѣленный отдаленный шумъ. Подъ самымъ окномъ три раза громко и бодро прокричалъ пѣтухъ.

— А!.. — пронзительно крикнула Ни-

ночка, вырвавъ ротъ изъ-подъ руки станового, и вдругъ его лицо исказилось страшной животной злобой, — съ безпощадной увѣренной силой онъ схватилъ ее за лицо и страшно сжалъ, скомкалъ, такъ что слюна и кровь облѣпили его пальцы. Съ секунду они смотрѣли другъ другу въ глаза, въ упоръ, какъ бы сливаясь въ одинъ острый взглядъ, и страшенъ былъ этотъ взглядъ, и нечеловѣченъ.

— А ну, ну... зак-крич-чи! —съ безсмысленнымъ торжествомъ прошипѣлъ онъ.

III.

Было ясное солнечное утро. Отъ домовъ и заборовъ еще лежали длинныя мокрыя тѣни, а тамъ, гдѣ свѣтило солнце, ослѣпительно сверкали лужицы и затоптанныя въ мерзлую грязь соломинки блестѣли какъ золотыя. На школьномъ дворѣ было уже пусто, и виднѣлись только ровные слѣды колесъ, оставшіеся на мокрой землѣ. Въ комнатѣ для пріѣзжающихъ была сдвинута вся мебель, кромѣ дивана, аккуратно и твердо стоявшаго поперекъ двери, валялись бутылки, мутные стаканы, куски размокшаго отвратительнаго пепла, растоптанные окурки. Было странно думать, что здѣсь были люди. За дверью, въ ком-

натѣ Ниночки, было тихо и неподвижно, и, казалось, ея плотно запертыя половинки, какъ крѣпко стиснутые зубы, молчаливо хранятъ тайну.

Часовъ до одиннадцати возлѣ крыльца школы толпились мальчишки и дѣвчонки, гонялись другъ за другомъ, толкались, дрались и звонко кричали, будто стая воробьевъ. А въ одиннадцать часовъ наступила внезапная, тревожная и зловѣщая тишина. Кто-то, тяжело и отчетливо ступая ногами, съ страшной вѣстью пробѣжалъ по улицѣ, и улица ожила. Все зашевелилось, со всѣхъ сторонъ, точно изъ пустоты, появлялись и бѣжали къ школѣ люди, черные, испуганные и кричащіе. Прибѣжалъ старый Иволгинъ, толстый старшина и урядникъ. Дверь отворили, и въ тихую, навсегда, казалось, замолкшую, печальную комнату Ниночки шумно ворвались люди съ чужими, испуганно любопытными глазами.

Было тутъ тихо и печально и говорило молчаливымъ скорбнымъ языкомъ о невѣдомомъ, страшномъ концѣ жизни. Все было прибрано, видимо, на-скоро и неумѣло, чужими руками; мебель была разставлена въ слишкомъ рѣзкомъ порядкѣ, кровать убрана, какъ давно брошенная и забытая, пла-

тье Ниночки сложено на стулѣ черезчуръ аккуратно, лживо. И пахло въ комнатѣ чуть замѣтнымъ, почти неуловимымъ, но страшнымъ неподвижнымъ запахомъ.

Ниночка въ чистой бѣлой рубашкѣ, съ еще неразгладившимися складочками и еще пахнущей мыломъ, висѣла въ углу комнаты на вѣшалкѣ, съ которой было снято все платье. Тоненькія руки, уже зеленоватыя и безпомощныя, висѣли вдоль тѣла, ноги въ черныхъ чулкахъ съ голубыми подвязками неестественно выгнулись, точно мучительно стремясь къ землѣ, а голова была закинута назадъ, огромная, раздутая, синяя, съ нечеловѣческими стеклянными глазами, съ шершавымъ синимъ языкомъ, горбомъ вставшимъ въ мертвомъ холодномъ рту, съ застывшей грязно-кровавой пѣной на синихъ губахъ и съ выраженіемъ ужаса и боли, уже непонятныхъ, невообразимыхъ живому человѣку.

Дико кричалъ старикъ Иволгинъ, безумно кричали, безтолково говорили, точно внезапно сошедшіе съ ума, люди, ходилъ по улицѣ тяжелый слышимый вздохъ и расплывался въ сплошной черной массѣ народа, навалившагося на крыльцо. Не было конца и мѣры ужасу и омерзѣнію, и росла ищущая месть.

IV.

Становой, слѣдователь и докторъ пріѣхали на другой день къ вечеру не вмѣстѣ, а порознь. Было еще свѣтло, но тѣни уже стали вытягиваться, и въ нихъ забѣлѣлъ тоненькій хрустящій ледокъ. Изъ волости пошли въ школу, вокругъ которой было уже пусто и стояли только двое безличныхъ десятскихъ съ яркими бляхами. Чиновники молча поднялись на крыльцо и вошли въ школу. Толстый, пухлый докторъ тяжело дышалъ и безтолково шевелилъ пальцами, какъ придавленное животное царапаетъ землю; худой, высокій становой шелъ впереди, и лицо у него было твердое, какъ камень, рѣшительное и увѣренное; а слѣдователь держался въ сторонѣ, и тонкая бѣлая шея подъ его маленькимъ нахальнымъ лицомъ съ закрученными свѣтлыми усиками ежилась и втягивалась въ плечи.

Становой первый вошелъ въ комнату и прямо подошелъ къ трупу Ниночки, неподвижно и холодно сквозившему сквозь простыню. Одну секунду онъ смотрѣлъ ей прямо въ страшное мертвое лицо, потомъ отвернулся и глухо, желѣзнымъ голосомъ сказалъ:

— Тащи...

Оба десятскіе проворно бросили шапки за дверь и, осторожно топоча лаптями, подошли къ кровати. Руки у нихъ дрожали, и ужасъ и жалость видны были даже на согнутыхъ, напряженныхъ спинахъ, но дыханіе ихъ было тупо и покорно.

— Живѣе, — тѣмъ же глухимъ и привычно твердымъ голосомъ сказалъ становой.

Мужики засуетились. Черныя ножки дрогнули, поднялись и безпомощно опустились внизъ. Изъ-подъ локтя, покрытаго грубой, рыжей, какъ земля, дерюгой, выпала блѣдная зеленоватая ручка и свѣсилась къ полу.

— Выноси на дворъ, въ сарай...

Мужики двинулись, стали, опять двинулись и, перехватывая руками, понесли вонъ что-то, казалось, страшно тяжелое и хрупкое.

И когда черныя ножки, странно вытягиваясь впередъ, выдвинулись изъ дверей школы на крыльцо, тотъ же тяжелый подавленный вздохъ ужаса и недоумѣнія пошелъ по улицѣ, вдругъ освѣтившейся сотнями широко открытыхъ глазъ.

— Разгоните народъ, — быстро и съ ужасомъ, задыхаясь, проговорилъ докторъ надъ ухомъ станового.

Становой выпрямился. Лицо у него стало властное и холодное, и громкимъ голосомъ онъ крикнулъ:

— Вы еще чего тутъ... Расходись, маршъ!..

Толпа молча зашевелилась, колыхнулась и замерла.

— Расходись, расходись! — вдругъ нестройно и пугливо закричали урядникъ и десятскіе, махая на толпу руками.

Ниночку уже донесли до сарая и тамъ опустили на подмерзлый твердый помостъ. Маленькая мертвая головка тихо качнулась и замерла.

Одинъ изъ десятскихъ, русый и блѣдный, пугливо перекрестился.

Становой мелькомъ взглянулъ на него и машинально сказалъ:

— Ступай вонъ... Зови понятыхъ.

Лицо мужика съежилось, какъ будто ушло куда-то внутрь, и тупой страхъ микроцефала выступилъ на его лицѣ изъ-за свѣтлой и прозрачной жалости.

V.

Послѣ вскрытія докторъ и слѣдователь молча сидѣли въ волостномъ правленіи. На дворѣ уже стояла беззвѣздная ночь и черно смотрѣла въ окно. Въ темной прихожей, казалось, кто-то стоялъ и слушалъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — тихо вздохнулъ докторъ, скручивая папироску толстыми, какъ будто позабывшими, какъ это дѣлается, пальцами.

Слѣдователь быстро взглянулъ на него и заходилъ по комнатѣ.

Обоимъ было невыносимо страшно и казалось невозможно посмотрѣть другъ другу въ глаза. Въ отяжелѣвшихъ головахъ, ставшихъ вдругъ огромными и болѣзненно-пустыми, какъ у сумасшедшихъ, воспоминанія проносились скачками и зигзагами. Они были безформенныя, но острыя, какъ ножи.

Минутами казалось доктору, что все это «такъ», ошибка, ошибка поправимая, что все это кончится, пройдетъ, и опять будетъ такъ же хорошо, весело и удобно жить, какъ и прежде. Но вдругъ наплывалъ огненный непонятный туманъ: хорошенькая голая женщина въ черныхъ чулкахъ съ голубыми подвязками, женщина, которая мгновеніе была только вещью, съ которой дѣлали они, что хотѣли, съ безумнымъ наслажденіемъ, жестокостью и властью терзая мягкое, сладострастное, жгучее тѣло, вдругъ выплывала изъ тумана пьянаго безумія и забвенія — синимъ холоднымъ трупомъ. И жизнь исчезала, исчезала воз-

можность жизни, будущій день проваливался въ черную дыру безысходнаго страха. Вставали какіе-то карающіе образы, знакомыя лица становились чужими и страшными, подымались надъ головой неизбѣжныя властныя руки, и сердце падало, замирая, въ бездну стыда и страха.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—тоскливо вздыхалъ докторъ, умоляя о жалости, и ему хотѣлось развести руками, скорбно ударить себя въ голову и плакать.

А слѣдователь быстро ходилъ изъ угла въ уголъ, все скорѣе и скорѣе, и похоже было на то, будто онъ старается отъ кого-то убѣжать. За нимъ неотступно скрипѣлъ полъ,— кто-то невидимый, казалось, гонялся за нимъ. Въ круглой и гладко остриженной бѣлой головѣ его, какъ мыши, стремительно бѣгали черненькія мысли и торопливо искали выхода. Вздохи доктора раздражали его. Ему казалось, что вздыхать нечего и некогда, а надо теперь одно: выкручиваться. Холодная мысль о маленькой погибшей женщинѣ стояла въ темномъ углу его мозга, неподвижная и ненужная.

— Ахъ, Боже мой! — вздыхалъ докторъ.

Бѣшенство овладѣло слѣдователемъ.

Ему казалось, что эти тяжелые вздохи виснутъ на его мысли, и, юркія, изворотливыя, они безсильно ползаютъ и кружатся на одномъ мѣстѣ, Онъ быстро повернулся и, выкативъ маленькіе прозрачные, какъ студень, глаза, бѣшено крикнулъ:

— Что вы ноете! Какого чорта, въ самомъ дѣлѣ!..

Вдругъ одна черненькая и юркая мысль выскочила и засверкала въ его глазахъ обманчивымъ, невѣрнымъ свѣтомъ.

— Самъ заварилъ кашу, а теперь и хнычетъ, какъ старая баба... — съ страшнымъ и зловѣщимъ выраженіемъ проговорилъ онъ, не глядя въ глаза доктору.

Докторъ понялъ и побагровѣлъ. Огромное круглое лицо его стало красно и блестяще, какъ раздутый шаръ. На всю комнату было слышно, какъ коротко и трудно задышалъ онъ.

— Что?... Я?.. Все я? — отрывистыми толчками, медленно поднимаясь на короткихъ ногахъ, заговорилъ онъ.

— Конечно, вы! — бѣшено встряхнувъ головой и ляскнувъ зубами, рванулся ему навстрѣчу слѣдователь.

Лампочка пугливо зашаталась на столѣ, и зеленый колпакъ, предостерегая, жалобно задребезжалъ. Свѣтъ падалъ

внизъ, на разставленныя ноги и судорожно сжатые кулаки, а лица были въ тѣни, и только глаза тускло и страшно блестѣли.

— Я? — переспросилъ докторъ и подавился съ хрипомъ и визгомъ.

— Вы, вы, вы! — пронзительно и дико закричалъ слѣдователь.

— А кто первый сказалъ!—прохрипѣлъ докторъ.

— Я въ шутку сказалъ, а вы первый вошли!

— А кто билъ по головѣ, по головѣ!.. Я?..

— А кто сказалъ, что намъ бояться нечего!

Они стояли другъ противъ друга, съ искаженными въ страшныя гримасы лицами и потерявшими иное, кромѣ страха и ненависти, выраженіе круглыми глазами, и выкрикивали нагія и уродливыя, какъ фантомы, обвиненія. Въ ихъ потерявшихся душахъ и помутившихся разумахъ какъ будто кричалъ одинъ невыносимо пронзительный голосъ, взывающій ради спасенія:

— Не я, не я... онъ, онъ, онъ!..

Было похоже на то, какъ лѣзутъ другъ другу на плечи, душатъ и колотятъ по головамъ попавшіе внезапно въ душный и узкій колодезь, полный страданія и страха.

Дверь стукнула, и, пугаясь звука, они сжались, поблѣднѣли и замолчали.

Вошелъ становой. На немъ была холодно-сѣрая шинель съ блестящими пуговицами, твердая шапка. Лицо казалось каменнымъ и глаза металлическими. И весь онъ—сѣрый и твердый.

Онъ подошелъ къ столу, оперся на него руками и сказалъ, глядя въ стѣну между ними:

— Сейчасъ начнемъ дознаніе...

И, не видя, но чувствуя, какъ они поблѣднѣли, онъ скривилъ на сторону губы и проговорилъ:

— А славно провели ночку... Жаль, дура попалась. Ну, ничего.

Онъ насмѣшливо посмотрѣлъ поочереди на того и другого и сурово, мѣняя голосъ, прибавилъ:

— Какъ бы тамъ ни было, а намъ не пропадать же изъ-за бабы... Надо выкручиваться. Что жъ?.. Вотъ я сейчасъ узналъ, что двое мужиковъ видѣли, какъ сторожъ Матвѣй Повальный выходилъ ночью изъ школы... А?..

— Ну, что жъ?.. — беззвучно спросилъ докторъ.

И опять черная юркая мысль выскочила

въ мозгу слѣдователя. Въ горлѣ у него всхлипнуло что-то радостное.

— Вотъ и спасеніе!.. Изнасилованія не будетъ, будетъ грабежъ... Грабежъ понятнѣе и не такъ громокъ!.. Понимаете?.. Сторожа сбить съ толку не трудно, я берусь... А изнасилованія не надо...

— Ага... — какъ будто прислушиваясь къ чему-то отдаленному и вытянувъ длинную жилистую шею, протянулъ становой.

А слѣдователь торопливо, брызгая слюной и съ безумной быстротой бѣгая глазами, шепталъ и хватался за рукавъ сѣрой шинели.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, чтобы свалить все на сторожа, толстый, вздутый докторъ какъ будто слабѣлъ и раскисалъ. Новый ужасъ, — еще ужасъ!— всталъ передъ нимъ, облеченный въ трусливую рвущуюся рѣчь, и доктору казалось, что онъ не вынесетъ. И когда слѣдователь замолчалъ, докторъ грузно и безсильно опустился на стулъ, ударивъ локтями о столъ и закрывъ лицо толстыми пухлыми пальцами, глухо проговорилъ:

— Да вѣдь это... Господи, что же это такое!

Становой медленно повернулъ къ нему неподвижное желѣзное лицо.

— А что жъ дѣлать? — холодно спросилъ онъ.

— Да вѣдь за это каторга... За насъ невинный человѣкъ пойдетъ!

На личикѣ слѣдователя все сильнѣе и сильнѣе разыгрывалось что-то безудержно дикое, какой-то изступленный восторгъ спасшагося звѣря.

— Ну, такъ что же,—твердо и жестоко, такъ спокойно, какъ самое обычное, сказалъ становой.

— Это невозможно... я не могу!—простоналъ докторъ, еще крѣпче прижимая пальцы къ лицу.

— Какъ это — не могу! — взвизгнулъ слѣдователь.

— Нѣтъ, не могу... — не открывая лица, покачалъ головою докторъ. И голосъ у него былъ скорбный, подавленный и глухой:— не могу...

— А могъ!?—крикнулъ слѣдователь.

— То... не знаю какъ... случилось... Ну, что жъ... А этого не могу!..—также глухо возразилъ докторъ.

— А, не можете? А въ каторгу на двѣнадцать лѣтъ...—а?—съ безконечной ненавистью и кошачьимъ торжествомъ, нагибаясь къ самому его уху, спросилъ слѣдователь.—А жена, а семья... а?

Докторъ быстро оторвалъ руку отъ краснаго, мокраго, вспухшаго лица, неподвижно посмотрѣлъ на него мутными, безумными глазами и, вдругъ упавъ головой на столъ, визгливо заплакалъ и застоналъ.

— Боже мой, Боже мой... что же это такое, что же это такое?..

Голова его прыгала и ѣздила по краю стола, какъ большой мягкій пузырь.

— Да уймите его... — съ холоднымъ презрѣніемъ сказалъ становой, отходя отъ стола.—Что тутъ дурака ломать... Не понимаю...

Докторъ началъ захлебываться, а потомъ стало казаться, будто онъ начинаетъ громко и страшно хохотать.

Слѣдователь пугливо бросился за водой, тыкалъ стучащій стаканъ въ мокрые зубы доктора и трусливо твердилъ:

— Перестаньте... Ну, что это вы... Ну, поиграли съ дѣвочкой... пьяны были... На нашемъ мѣстѣ и всякій то же самое сдѣлалъ бы... Что мы ей смерти хотѣли, что ли? Выпейте воды... Перестаньте... Не кричите... Ну, вышло такъ, что же дѣлать...

Становой вдругъ не то застоналъ, не то засмѣялся. Слѣдователь испуганно повернулся къ нему, и одно мгновеніе что-то

странное показалось ему: точно всѣ сошли съ ума, и онъ самъ, и по черепу у него прошла судорожная дрожь. Становой рванулся съ мѣста, вышибъ у него изъ рукъ стаканъ, со звономъ ударившійся объ полъ и, съ бѣшеной силой схвативъ доктора за плечи, сквозь зубы прокричалъ:

— Замолчи... тебѣ говорятъ, сволочь паршивая!.. Убью!!

Докторъ трясся въ его рукахъ, какъ будто голова его отрывалась отъ тѣла, и безпомощно лепеталъ:

— Я п... поним... маю... п... пустите... я нич-че-го...

VI.

Еще съ вечера невидимая и неслышимая, ползущая тайно, изъ устъ въ уста, пошла во всѣ стороны тяжелая молва о злодѣяніи. Было совсѣмъ глухо и тихо, но въ этой мертвой тишинѣ отчаянный крикъ, казалось, летѣлъ отъ человѣка къ человѣку, и въ душахъ становилось больно, страшно, и тяжелое, кошмарное рождалось возмущеніе. Оно таилось въ глубинѣ и какъ будто уходило все глубже и глубже, но вдругъ, неизвѣстно никому, какъ и гдѣ, точно крикнулъ въ толпѣ какой-то паническій голосъ, оно вырвалось наружу, вспыхнуло и покатилось изъ края въ край.

На разсвѣтѣ и рабочіе на бумагопрядильной фабрикѣ и на ближайшей желѣзной дорогѣ побросали работы и черными кучками поползли черезъ поля въ деревню.

— Сами убили да сами и судъ вели,— заговорилъ тяжелый, глухой голосъ, и въ его шопотѣ стало нарастать что-то огромное, общее, грозное, какъ надвигающаяся туча.

Оно росло съ сокрушающей силой и стремительной быстротой. И въ своемъ стихійномъ движеніи увлекало за собой все потаенное, задавленное, вѣковую обиду. Казалось, тѣнь маленькой замученной женщины, въ дѣтскихъ черныхъ чулкахъ съ наивными голубыми подвязками, воплотила вдругъ въ себѣ что-то общее, свѣтлое, молодое, милое, безконечно и безнадежно задавленное и убитое. Не хотѣлось вѣрить, не хотѣлось жить, и ноги сами собой шли въ ту сторону, какъ на зовъ погибающаго голоса, сами собой принимали грозное и отчаянное выраженіе.

Когда рано утромъ десятскіе вынесли некрашенный гробъ на улицу, огромная, точно въ черномъ омутѣ крутящаяся, толпа уже запрудила всю улицу. Она молча разступалась передъ медленно плывущимъ по воздуху желтымъ ящикомъ. Никто не зналъ, что надо дѣлать, и мучитель-

но всматривался въ желтую крышку, подъ которой, казалось, затаилось напряженное, молчаливое отчаяніе. Было тихо, но гдѣ-то сзади, вдали, уже глухо и тяжело ворочался какой-то мѣрный, нарастающій подземный гулъ.

Бѣлое небо уже стало прозрачнымъ, и иней призрачно бѣлѣлъ на крышахъ, на землѣ, на заборахъ. Одинокая звѣзда на востокѣ блѣднѣла тонко и печально. Черная толпа, медленно свивая черныя кольца, тронулась и поползла за гробомъ по тихой длинной улицѣ. Было такъ чисто, прозрачно и изящно вверху, въ небѣ, и такъ безпокойно грубо внизу, на черной землѣ. Гробъ быстро донесли до церкви и медленно стали заворачивать къ погосту.

Кто-то пронзительно и настойчиво закричалъ. Иволгинъ, безъ шапки, сѣдой и дикій, бѣжалъ за гробомъ и, махая костлявыми руками, кричалъ:

— Стой, стой!

Гробъ какъ будто самъ собою остановился и нерѣшительно закачался на мѣстѣ. Иволгинъ добѣжалъ. Сѣдые пучки его волосъ торчали во всѣ стороны, и старые глаза его пучились надъ искривленнымъ ртомъ.

— Куда!?—закричалъ онъ, задыхаясь

и хватаясь за гробъ.—Назадъ!.. Убили и концы въ воду?!. Врете, мерзавцы!.. Назадъ!.. Это мы еще посмотримъ, какъ...

Толпа глухо загудѣла, и похоже было гудѣніе на растущій прибой.

— Господинъ Иволгинъ, за эти слова вы и отвѣтить можете... очень просто! — угрожающе закричалъ урядникъ и протиснулся между нимъ и гробомъ. — Неси, ребята, неси!..

Иволгинъ машинально ухватился за его руку и судорожно шевелилъ трясущимися губами, дико пуча обезумѣвшіе глаза.

— Да вы меня не хватайте!—съ силой выдернулъ у него руку урядникъ, и голосъ его прозвучалъ оскорбленно и увѣренно.

Но Иволгинъ такъ же молча и машинально ловилъ его за локоть и, какъ будто молча, бормоталъ что-то, судорожно, по-рыбьи, открывая и закрывая ротъ.

— Пустите! — съ бѣшенствомъ крикнулъ урядникъ.

— Они убили... сами убили... — наконецъ пробормоталъ Иволгинъ: — а вамъ... грѣхъ... вѣдь вы знаете...

— Что я знаю?—странно, какъ будто озлобясь на что-то, преувеличенно дерзко закричалъ урядникъ. — Чего тамъ... Ваше дѣло?.. Десятскій, бери его!..

Русый и блѣдный мужикъ робко взялъ Иволгина за руку.

— Братцы, что жъ этто такое?—прокричалъ кто-то въ толпѣ съ скорбнымъ недоумѣніемъ.

— Пусти, чего хватаешься!.. Убивцы!.. Робята, не давай хоронить... Прокурора... А-а... Не давай! — нестройно и негромко закричали голоса, и вдругъ двинулось, отлило и опять подалось впередъ.

Урядникъ закричалъ что-то изо всѣхъ силъ, но только дикой нотой вошелъ въ хаосъ ревущихъ голосовъ. Гробъ порывисто закачался и быстро опустился внизъ, на дно толпы.

VII.

На другой день, къ полудню, вызванные по телеграммѣ, данной со станціи желѣзной дороги, пріѣхали исправникъ и становой.

Вся деревня съ утра гудѣла и дрожала. Гробъ одиноко стоялъ въ церкви, и на его желтой крышкѣ мутно отсвѣчивало солнце.

Толстый исправникъ грузно и властно слѣзъ съ брички и негромко, но твердо и коротко буркнулъ становому:

— Ипполитъ Ипполитовичъ, распоря-

дитесь, чтобы понятыхъ и чтобъ сейчасъ же закопать...

А самъ короткими и твердыми шагами пошелъ къ церкви. Вся паперть и весь церковный дворъ былъ покрытъ черной молчаливой толпой. Прошли десятскіе, прошелъ становой и урядникъ. Слышно было, какъ гулко и нестройно топотали ихъ ноги по каменному полу церкви. Потомъ они опять вышли, и желтая крышка гроба показалась въ черной дырѣ дверей и закачалась въ воздухѣ, высоко надъ толпой.

— Живо поворачивайся!—торопливо и властно говорилъ исправникъ, угрюмо и зорко косяя глазами по сторонамъ.

Молча, какъ автоматъ, толпа сдвинулась и насѣла на паперть. Гробъ сталъ.

— Расходись! — выступая впередъ, крикнулъ исправникъ.

— Какъ это—расходись!?—Убили, да и расходись... ловко!—отвѣтилъ кто-то изъ толпы.

Иволгинъ, сѣдой и аккуратный, съ бѣленькимъ крестикомъ на сѣрой шинели, вѣжливо и рѣшительно выступилъ навстрѣчу исправнику.

— Позвольте,—сдержанно и тихо началъ онъ, близко нагибаясь къ исправнику:—разъ голосъ народа указываетъ на...

— Что-съ? — быстро поворачивая голову къ нему, спросилъ исправникъ и гнѣвно нахмурился.

— Я говорю, что убійцы намъ всѣмъ извѣстны... нельзя допустить, чтобы это ужасное дѣло...

Исправникъ коротко и невѣрно взглянулъ ему въ глаза и сейчасъ же отворотился.

— Позвольте... Это не ваше дѣло!.. Кто вы такой?.. Потрудитесь удалиться.

Онъ мягко, но рѣшительно отстранилъ стоявшаго на дорогѣ Иволгина.

— Осторожнѣй! — вдругъ бѣшено и страшно крикнулъ Иволгинъ, съ силой отшвыривая его руку прочь.

Исправникъ съежился и внезапно поблѣднѣлъ.

— Потише, потише, вы... — чуть слышно и не глядя на Иволгина, пробормоталъ онъ. — Неси, ребята...

Было долгое, томительное молчаніе и неподвижность. Гробъ тихо качался на паперти.

— Ребята,—блѣднѣя все больше и больше, закричалъ исправникъ тонкимъ, напряженнымъ голосомъ: — знаете вы, что дѣлаете?.. За это отвѣчать надо! Пропусти...

Слѣдствіе выяснило виновника... судъ разсудитъ, а вы отвѣчать будете...

— Судить... разсудитъ... Слѣдствіе! Го-го-го!—какъ будто весело и голосисто закричали въ толпѣ.—Ловкачи!.. Нѣтъ, братъ, ходи мимо!.. Го!..

— Пропустить! — вдругъ теряясь, черезчуръ громко и неровно крикнулъ исправникъ. — Это — еще что тутъ!..

— А то! — крикнулъ Иволгинъ, опять прорываясь къ нему.—Вы думаете, на васъ суда нѣтъ?.. Такъ врешь, подлецъ!.. Вотъ тебѣ судъ!

Исправникъ молча исподлобья оглянулся кругомъ и ступилъ ногой назадъ. И вся толпа, какъ завороженная, двинулась за нимъ.

— Ипполитъ Ипполитовичъ, — растерянно проговорилъ исправникъ.

Высокій сѣрый становой увѣренно шагнулъ мимо него къ Иволгину, и на его стальномъ лицѣ было твердое, холодное, какъ будто чего-то еще не понимающее выраженіе.

Какъ разъ въ ту минуту, когда становой и урядникъ схватили Иволгина, высокій и худой мастеровой съ длиннымъ и безцвѣтнымъ лицомъ, вдругъ измѣнился въ лицѣ и, бѣшено опустивъ зрачки, ударилъ коря-

вымъ и грузнымъ кулакомъ прямо въ лицо становому.

— Убивецъ!!. —простоналъ онъ.

Брызнула кровь, и что-то болѣзненно и противно хряснуло. Становой качнулся, но на ногахъ устоялъ. Его твердое лицо стало сразу безобразнымъ, но не выразило ни ужаса, ни боли, а одно безумное удивленное, какое-то звѣриное бѣшенство. Онъ коротко и хрипло заревѣлъ, и, изогнувшись, какъ кошка, бросился на мастерового. Съ минуту они простояли обнявшись, потомъ закачались и разомъ рухнули внизъ, гремя и звеня по ступенькамъ паперти.

И тутъ все мучительно охнуло и завертѣлось. Страшный, блѣдный призракъ разгрома всталъ надъ толпой, и его блѣдный ужасъ отразился на замелькавшихъ въ дикой свалкѣ лицахъ.

— А ну... Бей, ребята! — прокричалъ кто-то тонкимъ, веселымъ и страшнымъ голосомъ.

Исправникъ и старшина бѣжали рядомъ, по грязной землѣ, по талому снѣгу, по холодной брызгающей въ лица водѣ. Бѣжали, хрипя и задыхаясь, грязные, оборванные, съ разбитыми страшными лицами, и были похожи на какихъ-то огром-

ныхъ, безобразныхъ зайцевъ, рѣжущихъ поле напрямикъ, не разбирая дороги. Далеко сзади, съ уханьемъ и свистомъ, вразсыпную бѣжала толпа.

VIII.

Ночью по темной и грязной дорогѣ, выходящей изъ мрака и уходящей во мракъ, вползала въ деревню огромная, тяжелая масса. Ничего нельзя было разобрать въ ней, но слышно было, какъ предостерегающе фыркали лошади, дробно и многозвучно шлепали по землѣ подковы и, со скрежетомъ, чуть слышно позванивало оружіе. Не было видно ни лицъ, ни движеній, и казалось, что идетъ одна сплошная грозная сила.

Войска стали на площади. На улицѣ было тихо и пусто, только взбудораженныя собаки выли и лаяли по дворамъ. Кой-гдѣ въ темныхъ, таинственныхъ окнахъ мрачно засвѣчивались огоньки и сейчасъ же гасли.

Часть солдатъ, неуклюжими однообразными силуэтами, спѣшилась и вошла въ ограду церкви. Потомъ вынесли изъ мрака темный ящикъ и быстро понесли его кругомъ смутно бѣлѣвшей ограды на погостъ. Было тихо.

И долго было тихо, пока не настал сѣрый и тревожный день.

Днемъ по главному шоссе отъ фабрики, на которой не курились и стояли, какъ огромныя потухшія свѣчи, мертвыя трубы, опять потянулись черныя кучки мрачныхъ и зловѣщихъ людей. Прилегающія къ площади улицы, казалось, рождали ихъ черные силуэты. Они липли другъ къ другу, росли и расплывались по площади, какъ густыя пятна пролитаго на снѣгъ чернаго масла. Блѣдныя, напряженныя лица сходились и расходились, поворачивались другъ къ другу и смотрѣли на солдатъ съ страннымъ, углубленнымъ выраженіемъ,

Половина площади у церкви была запружена сплошной черной толпой. На оградѣ церкви торчали люди. На сваленныхъ возлѣ ограды бревнахъ и доскахъ кишѣла пестрая и въ то же время однообразная масса головъ.

По другую сторону площади было попрежнему пусто и тихо. Тамъ неподвижно длинной полосой стояли конные солдаты, и рядъ ихъ каменныхъ, непроницаемыхъ лицъ былъ обращенъ къ толпѣ. Они сидѣли однообразно и неподвижно, и только лошади махали головами да расхаживали впереди какіе-то сѣрые люди, никому не-

извѣстные, странно блестящіе на сѣрой землѣ и сѣрыхъ заборахъ.

Потомъ эти люди прошли къ лошадямъ и быстро увѣренно поднялись на сѣдла. Раздался одинокій возгласъ, и длинная полоса солдатъ разомъ заколебалась, тронулась и съ громомъ и звономъ рысью двинулась черезъ площадь на толпу.

Толпа зашевелилась. Одинокіе крики изумленія и ужаса порвали тишину, и вся черная масса съ дикимъ крикомъ и визгомъ полѣзла назадъ на бревна, на ограду церкви. Огромныя лошади круто взмахивали головами и, упираясь, надвигались на людей. Сзади толпы, съ ограды, засвистали и закричали. Высокій, худой мастеровой въ припрыжку побѣжалъ отъ церкви навстрѣчу лошадямъ и высокимъ голосомъ закричалъ:

— Наши, сюда! Наши, сюда!..

И одинъ по одному побѣжали назадъ огромные черные люди.

— Бей, бей!—закричали они нестройно и страшно.

Все смѣшалось, какъ въ кошмарѣ. Въ воздухѣ засвистали палки, камни, замелькали руки и закрутились ополоумѣвшія багровыя лица съ дикими глазами. Слышался уже не крикъ, а какая-то каша изъ

хрипѣнія, визга, жесткихъ ударовъ по чему-то живому и глухихъ, тяжелыхъ паденій. И вдругъ раздался стихійный, торжествующій ревъ. Вдали, на концѣ площади, виднѣлись казаки, но уже не правильной сѣрой полосой, а разрозненными жалкими кучками. А въ нихъ неуклонно и страшно все летѣли и летѣли тяжелые и круглые камни.

— Наша взяла!—прокричалъ высокій человѣкъ и улыбнулся съ дѣтской радостью и торжествомъ.

— Гляди!..—тихо и внятно сказалъ кто-то въ толпѣ.

На той сторонѣ площади медленно и мѣрно развертывалась длинная сѣрая полоса, и отчетливо было видно, какъ отбивали торопливый и мѣрный тактъ сотни ногъ. Сразу все стихло, и на площади опять всталъ какой-то молчаливый и блѣдный призракъ.

— Не смѣютъ, пугаютъ!—робко и недоумѣло заговорили въ толпѣ.

Что-то свѣтлое, правдивое и казавшееся такимъ простымъ и естественнымъ, безсильно заметалось, стараясь увѣрить сжавшіяся сердца.

— Братцы... какъ же такъ?.. Что жъ

теперь?.. — спросилъ высокій мастеровой упавшимъ жалкимъ голосомъ.

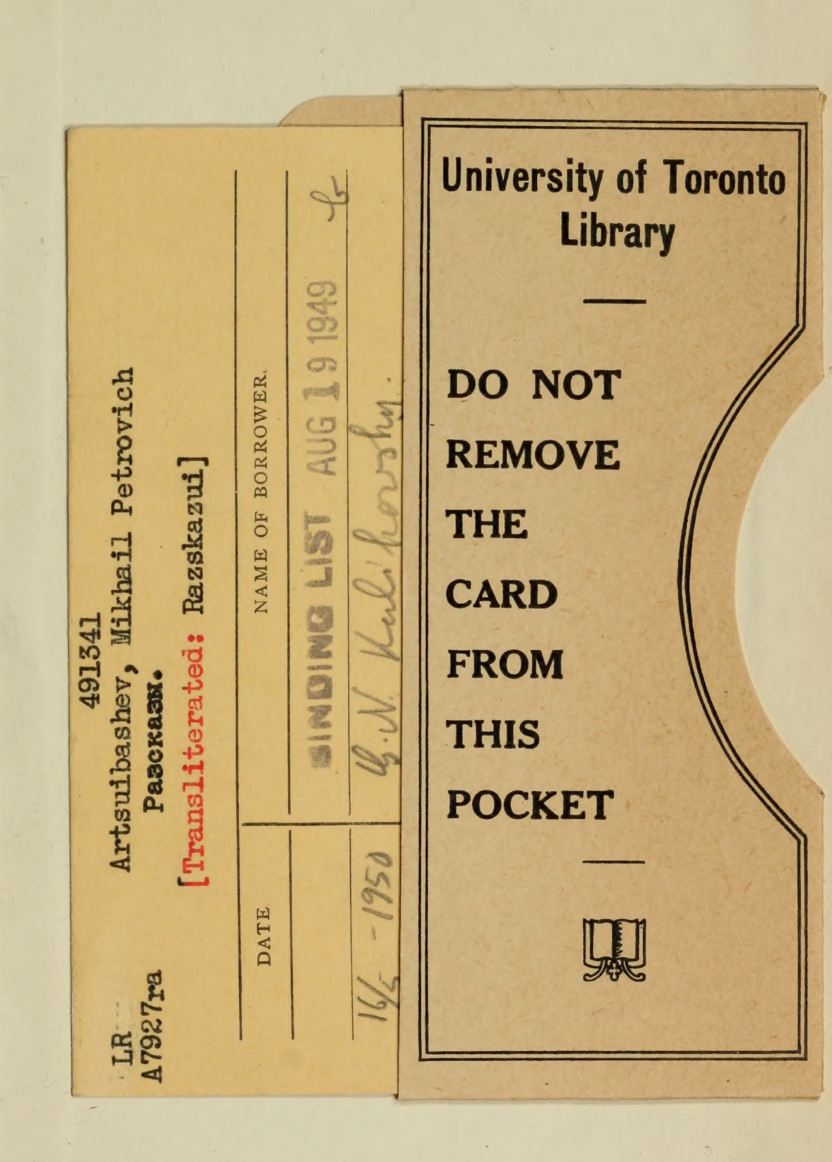
И вслѣдъ за тѣмъ что-то ударило въ землю и небо. Сѣрые люди куда-то исчезли и затянулись полосой легкаго и сизаго дыма...

IX.

Къ вечеру разошлись тучи и выглянуло солнце. На улицахъ было пусто, и только куры тихо бродили по дорогѣ да возлѣ церкви, трусливо поджимая хвосты, бѣгали и нюхали землю собаки. Было тихо и страшно, и, казалось, надъ землей, между замершей и затаившейся жизнью и глубокимъ, свободнымъ голубымъ небомъ стояла какая-то невидимая мертвая, давящая сила.

Въ сараѣ, при волости, на помостѣ лежали рядами неподвижные мертвые люди и смотрѣли вверхъ остановившимися навсегда бѣлыми глазами, въ которыхъ тускло блестѣлъ вопрошающій и безысходный ужасъ...

1905 г.

LR
A7927ra
491341
Artsuibashev, Mikhail Petrovich
Разсказы.
[Transliterated: Razskazui]
DATE
NAME OF BORROWER.
BINDING LIST AUG 19 1949
16/5 - 1950
University of Toronto Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET